

Виктория Гостроверхова

История родной женщины

16+

Виктория Гостроверхова

История родной женщины

«Автор»

2020

Гостроверхова В.

История родной женщины / В. Гостроверхова — «Автор», 2020

ISBN 978-5-532-98798-2

Эта книга о послевоенном детстве и любви длиной в целую жизнь. О том, как человек стойко преодолевает испытания и ищет себя. Тут семейные тайны тесно переплетены с историей страны от сороковых годов до наших дней. Заварите чай и прочтите эту душевную историю. Вы окунетесь в атмосферу тех лет. Вам будет над чем смеяться и плакать, удивляться и размышлять.

ISBN 978-5-532-98798-2

© Гостроверхова В., 2020

© Автор, 2020

Содержание

От автора	5
Глава 1	6
Миллионы искалеченных судеб	6
Глава 2	16
Послевоенное детство	16
...	21
...	23
...	25
...	26
...	29
Глава 3	30
Платье в ромашку	30
...	32
...	33
...	35
...	43
...	45
...	46
Глава 4	48
«Гусиные лапки»	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктория Гостроверхова

История родной женщины

От автора

Душевные разговоры о послевоенном детстве, молодости и советском времени с моей бабушкой, Марией, легли в основу этой книги. Многие исторические факты реальны, но я не претендую на полную правдоподобность, это не документальный роман и не мемуары, а художественное произведение. Персонажи и сцены вымышлены, совпадения случайны. Персонажи книги являются отдельными личностями, и наделены качествами, нужными для выполнения авторской задумки.

Глава 1

Миллионы искалеченных судеб

1941 год

Это было время безмятежного счастья. Молодая женщина Нина с мужем и маленькой двухгодовалой дочкой прогуливались по Красной площади, что они делали крайне редко, хотя и жили в Подмосковье. Забот невпроворот – у мужа работа на заводе, а у нее по хозяйству. А как же, семья молодая, а родители далеко в области, надо вставать на ноги. Хорошо хоть дом дали мужу от работы, с небольшим участком. А еще и место замечательное – Загорск. До Советского Союза этот город и вовсе считался чуть ли не святым местом, так как тут жил Сергей Радонежский. Город так и назывался – Сергиев Посад. Ух и благодать в том месте была, говорят. Но и сейчас неплохо: люди хорошие, дружелюбные, все друг друга знают. И вроде почти столица, а все простые, как в деревне. Да и горожане неплохие, хоть немного и зазнаются...

Нина окинула взглядом площадь, на которой была толкучка. Люди двигались под музыку, доносящуюся из радио ГУМа. А что ж, лето, да еще и выходной день. Как тут усидеть дома? Выпускные уже отгремели, но все до сих пор празднуют и наслаждаются свободой и взрослой жизнью. Эх, когда-то и Нина такая была... А много ли времени-то пролетело? Ей же самой всего 22 года, вся жизнь впереди... Тихая, мирная, пусть и с небольшими временными трудностями. И так думали все люди на этой площади, независимо от возраста.

Но музыка неожиданно стихла и сменилась на ту, которая обычно звучала перед каким-то объявлением. Многие даже пропустили ее мимо ушей. Но слова «Внимание, говорит Москва! Передаем важное правительственное сообщение!» заставили людей замереть в тревоге и трепете, подняв лица к громкоговорителю, похожему на черную луну.

– Граждане и гражданки Советского Союза, сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территории... Теперь, когда нападение на Советский Союз уже совершилось, Советским правительством дан приказ нашим войскам – отбить разбойничье нападение и изгнать германские войска с территории нашей родины... Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, еще теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего великого вождя товарища Сталина...»

Речь продолжалась долго, но все это время люди слушали, почти не шевелясь и не дыша. Голос из динамика словно парализовал толпу. И только после последних слов «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами» осторожно перевели взгляды друг на друга. Некоторые люди плакали, другие стояли с каменными непонимающими лицами. Это давно должно было случиться. Все догадывались, но до последнего делали вид, что все хорошо и строили планы надолго вперед. Как теперь наивно и нелепо выглядят эти мечты, а будущее – мрачным и пугающим.

– Коля, война! – сдерживая слезы, чтобы не разозлить этим мужа, Нина приблизилась к его уху и произнесла это почти шепотом. Но мужчина сохранил каменное лицо, сделав вид, что не расслышал. – Что с нами теперь будет? – спросила Нина, нервно укачивая дочку на руках,

хотя та и не собиралась плакать, а сосредоточенно разглядывала не по-доброму оживившуюся толпу.

– А я почему знаю? – сухо ответил муж. – Но если хочешь услышать мое мнение, то я считаю, что наше правительство быстро прогонит этих фрицев. Месяц, максимум полтора, и война закончится. И заживем как раньше... И так подумало большинство жителей Советского союза. Как с их великой страной могло произойти что-то ужасное? И даже несмотря на то, что ввели комендантский час, люди пытались жить обычной жизнью и делать вид, что их это не касается.

«Это где-то там, нас не коснется...» – отмахивались они, степенно прогуливаясь по улицам или заходя спустить деньги в пивнушку. Даже кинотеатры не опустели. А когда через месяц после начала войны объявили о воздушной атаке, люди посчитали это учением и попросту проигнорировали. Нина была дома, а Николай скоро должен был вернуться с работы. В яслях около печки посапывала дочка, а рядом мурлыкала кошка. И если бы в голове постоянно не крутилась мысль о том, что где-то идет война, это мгновение можно было назвать счастьем. Но ему не суждено было длиться вечно, как и всему в нашей жизни.

Тишину нарушили оглушающие взрывы, словно прямо над крышей запустили сотню праздничных салютов одновременно. Послышались громкие крики, но это был не салют, а крики далеко не радостные. Дома вдруг стало очень страшно и неудобно, по спине пробежал холод, сердце больно сжалось, а голова пошла кругом.

Где-то вдалеке упало что-то огромное и тяжелое, весь дом задрожал, весь мир задрожал – и все начало рушиться: и дом, и мир. Всего пару мгновений назад самая обычная, совсем юная и вполне счастливая женщина стремглав бросилась из еле уцелевших остатков дома. Из руин она выбежала уже седовласой старушкой – ее волосы были белыми, как снег, прекрасное лицо сплошь изрезано морщинами, а большие детские глаза стали пустыми и безжизненными. Нина, эта двадцатидвухлетняя старушка, бежала, неслась, не оборачиваясь, словно от войны и горя можно куда-то убежать, пока не оказалась на небольшой полянке в лесу. Она упала на жаркую мягкую траву и начала навзрыд плакать.

Она плакала горячо и долго, словно ребенок, который потерялся и не знает, где его мама. Ее рыдания были в сотни раз громче, чем плач юной девушки, которую бросил любимый. Нина рыдала как человек, который потерял все и не знает, как ему быть дальше. И тут она поняла, что еще жива. Жива! Несмотря на весь этот страх и ужас, а там, в разрушенном войной доме, стоит колыбель, а в ней лежит дочь, которая, дай Бог, еще жива.

Удивительно, на что способна женщина ради своего ребенка! Еще несколько минут назад ей казалось, что она туда ни за что в жизни не вернется, в этот страх, в эту войну и боль. Но теперь женщина неслась обратно, понимая, что, возможно, ее убьет, на полпути домой, но она должна была вернуться. Когда она увидела остатки жилища и пожар вокруг, та пустота, что была у нее внутри, вдруг обросла тысячью ножей и вонзилась в каждую клеточку ее тела. Это невозможно! От дома почти ничего не осталось, кроме одной стены и печки. Там не было шансов выжить. Но тут до нее донесся громкий детский плач, который в один момент наполнил ее пустоту смыслом. Ее дочь жива, вот она, лежит в своей колыбели, а рядом с ней свернулась клубочком черная, бывшая до этого белой, кошка с изуродованным хвостом и задней лапой. В ее глазах читались боль и ужас, словно она понимала все, что происходит вокруг. Кошку трясло, но она верно лежала клубочком возле второго маленького напуганного комочка – оба такие беспомощные и несчастные. Женщине стало ужасно стыдно за то, что она поддалась страху, не совладала с собой, бросила дочь, а эта кошка осталась тут, несмотря ни на что. На уцелевшей стене около детской кровати висела старинная икона Сергия Радонежского, и добрый мужчина смотрел оттуда с пониманием и заботой.

Нина взяла дочь, прижала ее к груди и подняла глаза вверх – на это бескрайнее увядающее небо, залитое багровым цветом, словно кровью. Всего полчаса назад оно было черное,

заполненное огромными смертоносными «птицами», а теперь страшно красиво, словно ничего не произошло. И вправду, для неба все земное – всего лишь песчинка, секундное счастье или несчастье, являющееся на короткое время и потом бесследно исчезающее. Для неба все люди букашки, и все их проблемы малы и незначительны, даже войны, ведь сколько их было перед его бесконечным взором после сотворения мира?

Но для человека его жизнь – это целая вселенная, и крайне малое количество людей понимает, какой он со своими большими проблемами крошечный и беспомощный. Вот так вот для тысяч и сотен людей в одно мгновение рухнул мир – их мир, но не общий, огромный и бескрайний. Он прекрасно существовал до них, так и будет без их участия.

– Нина? – окликнул ее безжизненный мужской голос. Она обернулась и увидела стоявшего перед остатками дома худого измученного мужа с седыми волосами и черно-белой щетиной.

– Нина! – его голос задрожал. – Нина, слава Богу, вы живы!

Он бросился к жене и ребенку и заключил их в свои обычно скупые объятия. Так они стояли долго. Обнимались и плакали. Маленькая Маша уснула на ручках.

– Коля... Теперь тебя заберут?! Что с тобой... Что с нами будет?

– Нина, мы уедем отсюда! Наш завод планируют эвакуировать далеко, на Урал, потому что враг идет на Москву! На север немец не доберется! Меня хотят отправить туда как помощника главного инженера, им нужны люди, чтобы производить новые винтовки для фронта.

– На Урал?! – безжизненные глаза чуть сверкнули, но потом сразу же померкли. – Час от часу не легче...

– Нам нужно срочно отсюда уходить! В любую минуту может опять начаться бомбежка. Почему вы не спрятались в укрытии?! Я приехал за тобой на телеге, мы поедем на завод – там есть бункер.

Нина вспомнила взрывы, и ее затрясло, словно в лихорадке. Но тут же она очнулась и посмотрела по сторонам. Незаметно стемнело. Они взяли корзину, в которой спали ребенок и кошка, положили туда уцелевшую икону, прикрыли ее полуобгоревшим одеялом и сели в телегу. Больше у них ничего не осталось. Коля надел на жену рабочую телогрейку, всю пропахшую сеном, и они поехали. На улице было холодно, словно в июне наступила поздняя осень – шел мелкий дождь, будто природа плакала вместе с людьми. Они ехали на скрипящей телеге по серым разрушенным улицам молча, думая каждый о своем. Нина вспомнила о недавней радости, которая теперь оборачивается обузой и горем – в ее животе находилась еще одна жизнь. Будущая мать беспокоилась за нерожденное дитя и боялась, что могла его потерять.

Телега остановилась перед кирпичным трехэтажным зданием завода, окна которого были выбиты взрывом. Нину вместе с нескончаемым потоком женщин, стариков и детей проводили в темный подвал, на полу которого была разбросана солома и матрасы. Ее муж пошел куда-то вверх. Молодая женщина уселась около холодной стены на солому, положила корзинку рядом и окинула взглядом полумрак. Ее окружали люди: раненые, испуганные и потерянные. От них разлило кровью, потом, страхом и дымом. Только сейчас они в полной мере поняли, что началась настоящая война, и она не закончится быстро. Все молчали, тяжело и хрипло вздыхая. Нина укуталась в одеяло, покормила ребёнка грудью и они уснули вместе спасительным глубоким сном.

Проснулась Нина от детского плача. Женщина открыла глаза и увидела перед собой полумрак и темные силуэты. Некоторое время она не могла вспомнить, где она и что произошло, но потом на нее навалилась волна тяжести и грусти. Когда глаза привыкли к темноте, ей удалось разглядеть, что около нее стоит корзинка-ясельки, а перед ней на коленях сидит муж. Он неумело качает ребенка, которого укрыл своей телогрейкой. Нина улыбнулась сквозь душевную тоску.

– Я поменял ей пеленку, – с важностью в голосе прошептал Николай. Это он сделал в первый раз за свое отцовство. – Илюха сегодня с утра принес кое-какую одежду и все, что нужно Маше на первое время.

– Спасибо большое, мы обязательно все отдадим... – начала было она и осеклась. – Как только будет возможность...

Она всегда не очень хорошо относилась к другу мужа, потому что боялась плохого влияния – он был гулякой и любил выпить. Но, как мудро говорится, друг познается в беде.

– Через час в сторону вокзала едет грузовик с продовольствием, мы с ним доедем до дома Ильи, до вечера побудем там, а ночью поедем в Моршанск, к родителям, далеко от фронта, от войны. Я уговорил директора дать направление не на Урал, а в Тамбов, буду работать инженером на заводе, который производит гранаты. А родителей я предупредил, отправил им срочную телеграмму.

– Хорошо, – ответила Нина, но она не понимала, что сейчас хорошо, а что нет. Наверное, это лучше, чем ехать на Урал или оставаться в самом эпицентре войны, но тут дом... – А где Мурка? – спросила женщина, потому что считала себя виноватой перед этим животным.

– Тебе беспокоиться больше не о чем, как о кошке?

– Она защищала нашу дочь во время бомбежки...

– Тебя, мать, по ходу, контузило. Где-то тут рядом сидела твоя Мурка...

Нина позвала кошку, и она пришла ей на колени, успокаивающе замурчав. Повисла пауза.

– За что нам все это? Война, смерть, разруха... – раздраженно прервал молчание мужчина.

– Как за что? Это Божья кара. Сколько храмов разрушили, сколько святынь попрали большевики? – прошептала женщина на ухо, чтобы никто не услышал.

– Опять ты за свое! – пробурчал он в ответ, вздохнул и снова замолчал.

Через час они добрались на грузовике до дома друзей. У него повылетали окна, но в остальном чудом уцелел, хоть и стоял вблизи от железнодорожного вокзала, который искали немцы, но не нашли.

У друзей они поели, умылись и переоделись в чистую одежду, отдохнули. Все пришлось делать в полумраке, потому что включать свет было опасно для жизни. На поезде придется ехать около двенадцати часов, поэтому с собой им дали немного еды, завернутую в платок. Друзья их очень выручили, а ведь у них и самих почти ничего не осталось. Как и у всего простого русского многострадального народа. Только более-менее окрепли, отъелись после Гражданской войны...

Дорога казалась бесконечной. Поезд двигался медленно и периодически останавливался. Нина не могла уснуть, сидя в тесном плацкарте, донельзя набитом людьми. Было почти невозможно дышать и шевелиться – на ее коленях стояли ясли, и ноги онемели. Муж дремал. Она смотрела в темное окно, за которым мрачно мелькали могучие деревья, словно передавая друг другу эстафету по охране поезда. А ведь Николай и Нина работали на этой самой железной дороге, ведущей в Москву, когда жили в Моршанске. Чинили рельсы, убирали ветки и камни. Тут, загорелые и беззаботные, влюбились и поженились. Приехали в Подмоскovie с братом Нины, по знакомству, на заработки. А много ли заработали за это время? Да, дали им свой домик и небольшой участок. Но и этого у них отныне нет... Они голы как младенцы. И теперь им придется жить у родителей мужа – так положено в селах. Но как Нина будет находиться под одной крышей с этой невыносимой женщиной? Как сказать об этом мужу – ведь он любит и уважает свою мать... И ведь они даже частично похожи – оба вспыльчивые и своенравные, но у той от старости ещё и ум пошатнулся. Куда она смотрела, когда выходила замуж? Теперь ведь всю жизнь терпеть... Хоть бы детям не достался этот непростой характер... Нина мотнула головой, пытаясь прогнать мысли прочь. Сейчас и без них тяжело...

Около трех часов ночи поезд чуть не попал под бомбежку (прямо над ним гудели вражеские самолеты), но ближе к обеду благополучно оказался на месте.

С поезда Николая и Нину встретила повозка, запряженная пожилой, но крепкой лошады. Извозчиком был высокий сгорбленный старик в пыльной одежде и замызганной фуражке, сдвинутой на добрые, но бесцветные глаза. Это был отец Николая, который больше любил сноху, чем своего сына. Он всегда за нее заступался и поддерживал. Но, как оказалось, поедут в Моршанск только девушки, а Николай дальше на поезде, в Тамбов.

Неожиданно пришлось прощаться. Николай задумчиво погладил по голове маленькую дочку и как-то растеряннo-холодно обнял жену:

– Ты там смотри, не забывай меня, – только и сказал он ей.

– Да как же я тебя забуду-то? – удивленно и обиженно спросила Нина.

– Ладно, пиши мне письма, батя адрес знает... – Николай еще раз мимолетно взглянул на жену и быстро ушел, словно сбежал от проблем и ответственности. Но нет, просто ему самому было тяжело прощаться, он боялся показать чувства, дать слабину или даже пустить скупую мужскую слезу – тогда бы все разревелись, расклеились и не отлипли бы друг от друга, не смогли расстаться, кому бы от этого стало легче? А тут отрубил и всё. Женщина, укачивая дочку, со слезами на глазах посмотрела ему вслед.

– Да будет тебе, – по-своему постарался утешить ее старик. – Не на фронт же он.

– И то верно...

Так они и поехали. Всю дорогу старик рассказывал о том, какие изменения произошли в их деревушке. Кто погиб, как живут, при этом он то и дело громко кашлял, мусоля в почти беззубом рту самокрутку.

– Ты помнишь тетку Тоню, соседку твоей мамани? – после долгой паузы заговорил старик.

– Да, а что с ней? – напряженно спросила Нина, вспоминая, как строгая тетка всегда гоняла ее и соседских детей, когда они были маленькими и беззаботно резвились около дома, играя в казаков-разбойников.

– Погибла! Да так нелепо! – с досадой закачал головой, в такт этим движениям теребя самокрутку во рту.

– Как это?! – расстроилась Нина. Хоть тетка была и вредной, но все-таки жалко человека...

– Да как-как... Шла откуда-то с городу, приспичило ей, видать, именно в это время, или Бог ее наказал... Переходила, в общем, наш широкий мост в деревню, думала, успеет перебежать... А вода-то уже несколько дней бурлила вдалеке, говорили люди, не ходи!... Да не успела, вода-то как хлынула! Ну и с ног сбила, да нам в карьер к мельнице ее бездыханное тело-то и приволокла... Эх, жалко как! И если бы в первой, а то вишь, знают уже что нельзя в такое время туда соваться, а всё ходють!

Нина тяжело вздохнула, оглядывая приближающиеся домики родной деревни. Внешне Соколовка не сильно изменилась после отъезда молодоженов на заработки в столицу. Две небольшие улицы, где было около тридцати стареньких домиков. В конце деревеньки, как раз около избы родителей Николая, расположился искусственно вырытый карьер, наполовину наполненный водой. В дореволюционное время эта мельница принадлежала прадеду Николая, Тимофею Петрову. Только когда большевики пришли деревню грабить, раскулачили семью трудолюбивых рабочих крестьян – корову и коз угнали, зерно отобрали, оставили только одну несчастную худую овцу. Мельницу передали колхозу. Попечалился прадед Николая Тимофеем, а потом плюнул и стал разводить баранов – от сбегающей с гор воды около дома такой луг с сочной травой образовался, что больше ничего овцам и не нужно. К нему и другие ограбленные крестьяне подтянулись, тоже кудрявыми зверюшками занялись, а из их шерсти повадились носки вязать, да валенки валять.

Ну вот они и приехали. В место, где не будет ужаса войны, но и счастье вряд ли случится. Нина готовила себя ко всему. Чтобы пережить, не сломаться и сберечь дочь. На пороге маленького крепенького домика появилась сгорбленная старушка и, щурясь, деловито поставила руки в бока.

Нина не узнала Дуню. Что с ней стало? Алкоголь? Или, может быть, болезнь?

Хоть недуг женщину и подкосил физически, но внутри не сломал и не исправил. А лишь наоборот, ужесточил.

– А-а-а... Приехали, нахлебнички! – как баба-яга прохрипела она Нине вместо приветствия. – Ну что, заработали деньжи-то?

– Дуня, ну как так можно! – возмутился ее муж, Василий. Женщина потрясла головой и спряталась дома, в темноте.

– Не обращай на нее внимания, не стоит переживаний, – пытаюсь улыбнуться, обратился Василий к снохе.

Та тоже попыталась улыбнуться. Она ведь действительно приехала сюда нахлебником. Еще и почти с двумя детьми. И нужно быть реалистом, смирить свою гордость и благодарить хоть за это. Кому в войну легко?

– Проходите, располагайтесь и будьте как дома, – открывая занавески и освещая скудное убранство жилища, произнес Василий.

«Ага, будешь тут как дома...» – подумала про себя женщина. В хате была только одна комната, которая вмещала в себя: печку в центре, стол, лавку-палати, большую деревянную кровать и дубовый шкаф. Нина посмотрела на печку с надеждой, что им с дочерью разрешат спать там, за занавеской, в тепле, как в крошечной крепости. Но это оказалось ночлегом «бабы-яги». Слуга, который официально занимал должность мужа, спал почти около ног Яги, на полатах. А большую кровать предоставили для Нины и Маши. Это оказалось вполне неплохим вариантом.

Свекровь приготовила скромный, даже по меркам войны, обед – мелкую вареную картошку в мундире. Скудное угощение было насыпано в общий алюминиевый тазик и стояло посередине стола. Больше никакой посуды на нем не было.

Семья молча села обедать. Начинать есть по традиции глава семейства. Он хмуро взял из миски горсть картофеля и положил перед собой на стол. Потом жадно протянула руки его жена, наложив перед собой целую горку, словно боясь, что Нина ее обьет. Нина скромно взяла три картофелины и начала их чистить, чувствуя сверлящий взгляд хозяйки. Видимо, она хотела, чтобы нежеланная гостья подавилась и умерла в первый же день. Но не тут-то было. С трудом осилив несколько картофелин, Нина встала, поблагодарила за еду и вышла из-за стола, присев на лавку с ребенком.

– Ты не думай, что удача просидеть на нашей шее всю войну! – пробурчала бабулька себе под нос.

– А я и не собираюсь, – спокойно ответила Нина, укачивая девочку. – Работать пойду, в колхоз... Вы же меня возьмете, дядь Вася? – она посмотрела на свекра с надеждой и мольбой.

– Куда же тебе работать-то, с пузом! Вы что, бабы, рехнулись? – сердито посмотрел он на жену.

– И цто, пузо? А хто ей виноват?! Нашла время пузатица! Ниче, не развалица!

– И действительно, не развалюсь... – спокойно подтвердила Нина. Бабка вспыхнула от злости и негодования. – Буду осторожно, по силам... Я женщина сильная, крепкая, справлюсь... – утешала и уговаривала она то ли себя, то ли свекра. Тот печально вздохнул и с жалостью произнес:

– Хорошо, я подыщу что-нибудь полегче. Оно и то лучше будет, чем с этой каргой весь день дома торчать! – сказал Василий с усмешкой в голосе.

Это был далеко не первый раз, когда он так называл жену. Но та никак не реагировала. Что сказать, сорок лет вместе живут, чему удивляться?

– Ну, полно вам! – смутилась Нина.

– Ладно, я пойду на работу, а то меня потеряют! Не воюйте здесь без меня! – с тревогой и просьбой в голосе произнес Василий.

– А можно я с вами? – взмолилась Нина.

– Не стоит. Отдохни в первый день, выпишься... – по-доброму отмахнулся он. – Вам нужно пока притереться, уверен, вы найдете общий язык... – женщины невольно усмехнулись.

Как только мужчина удалился, нависло тяжелое молчание. Спустя длинное тяжёлое молчание, Нина сотрясла воздух, словно электрическим разрядом:

– Ладно, пойду прогуляюсь по лесу с Машей, немного подышим... – и схватив дочку, почти выбежала на улицу. Ей в лицо хлынули лучи живительного солнца. Нина им так обрадовалась, словно была заключена на многие годы в подземелье и наконец-то вышла на свободу.

Женщина тосковала по соснам и была счастлива находиться в родном селе. Нина очень любила лес и надеялась набраться в нем немного сил и успокоиться. Среди сосен было прохладно и спокойно. Радостно щебетали птички, дул тихий ветерок. Лес был светлым и гостеприимным, заросшим густым ковром мха: прямо за домами Нина наткнулась на полянку с крупной спелой земляникой. Какой сладчайший аромат ягоды, хвои, травы, земли. Она села на мох как на уютную подстилку, посадила дочку рядом с собой и начала с удовольствием есть, чувствуя, как каждая клеточка ее организма наполняется теплом, солнцем и витаминами. Дочка в этот момент с интересом трогала своими ручками травку и листики. На них налетел целый рой кровопийц. Нина с Машей еще немного побродили по лесу, отбиваясь от комаров сорванной березовой веточкой. А потом Нина пошла в гости к своей маме Маше, в честь которой, по согласию мужа, дочку и назвала.

Когда она приблизилась к дому, где прошло все детство и молодость, ее сердце затрепетало. Ее накрыло воспоминаниями, как луга около этой деревни дикой волной талой воды. И ее так же снесло и завертело, как ту несчастную женщину... Сколько всего было, чего уже не вернуть... Кого уже не вернуть...

– Нина? – показалась за покосившимся забором высокая худая женщина.

Перед девушкой предстало лицо, которое так часто ей снилось. По которому она тосковала. Трудовые шершавые руки бросились обнимать дочь и внучку. Три капли, кровинушки, слились в одну реку, шумную, радостную и могучую. Других многочисленных родственников не было дома. Они втроем вошли в избу, пили чай с сушками и говорили до самого вечера.

– Терпи, доченька. Такова наша женская доля. Будь сильной и кроткой. Главное – не теряй себя, и почаще заходи в гости – такие наставления дала ей старушка, когда Нина уходила в чужой дом, где ей не рады. Так было положено по традиции. Да и в родном не было места – у Нины было много младших братьев и сестер. Возможно, эта беседа спасла ее, укрепила. Помогла не сломаться.

Она шла и вдыхала прохладный летний воздух полной грудью. Да, внешне она была несвободна, но главное, что внутри. Она на родине. Около мамы. Вдали от войны. Здесь все будет по-другому. Она со всем справится. Жизнь наладится, и все будет хорошо.

Как и сказал Василий, вскоре Нина и Дуня нашли общий язык. Где-то через месяц после их приезда пожилая женщина тихо села около невестки и неожиданно заплакала. Нина вскочила от удивления и бросилась обнимать свекровь. Та что-то непонятно причитала и скорбно мотала головой, а женщина ее успокаивала. Наконец, когда Дуне удалось совладать с собой (насколько она вообще была способна, если учесть, что в обычной жизни походила на мелкую вечно таявкую собачонку), она посмотрела Нине в глаза и жалобно произнесла:

– От Мишки-то моего, младшего, с самого начала войны и весточки нет, ни словечка! Он же учился в военном техникуме в Тамбове, а тут пропал... Не дай Бог улепешил на фронт! – в конце она почти зашипела и чуть не потеряла сознание.

– Так ему лет-то сколько?! – остоленела Нина от неожиданности. Она за своими заботами и проблемами совсем забыла про озорного младшего брата мужа. обессилено замотала Дуня кулаком, но эта фраза прозвучала уже не злобно

– У, родни своей не знаешь! – обессилено замотала Дуня кулаком, но эта фраза прозвучала уже не злобно. – Поди шестнадцать. С 25 года он у нас, совсем цыпленок еще... – Нина, пораженная новостью, сосредоточенно промолчала.

– Ну ты ж сама мать, должна меня понять! Среднего моего, Васю Васильича, заграбастали ведь на фронт в первые же дни! Хорошо хоть, остальные мужики под боком – один старик, а другой тыловик... Иначе совсем моя дурная башка поехала бы, – подшутила она сама над собой и этим поразила собеседницу еще сильнее.

– Как мне вас не понимать? У меня самой отец и брат на фронте, а сколько друзей, одноклассников...

– Тогда помоги мне! – хитро выпалила старуха, превращаясь обратно в бабу-ягу. Неужели всё, что было до, было спектаклем? Не, у помешанной старухи на то ума не хватит...

– Чем я могу помочь-то? – удивилась Нина.

– Ну ты баба грамотная, говорят...

– Пф, кто вам сказал такую чепуху?! – усмехнулась женщина и неожиданно для себя шлепнула по своей коленке, послышался громкий хлопок.

– Не притворяйся, я знаю, что ты грамотная!

– Но я всего 4 класса закончила...

– А говоришь, не ученая! – воскликнула старуха, вскинув руки вверх, резко вскочив и куда-то убежав. Она открыла большой деревянный сундук, который стоял под замком у печки, извлекла оттуда желтый кусочек бумаги, перо и чернила, словно давно их уже приготовила. Властным тоном позвала невестку к столу и разложила все перед ней.

– Пиши, – умоляюще строго приказала она.

– Что? – со вздохом спросила Нина, взяла в руки перо и окунула в почти засохшие чернила.

– Письмо, – удивилась старуха, словно это было понятно как дважды два.

– А что там писать? – осторожно поинтересовалась женщина

– Шо ты заладила со своими вопросами?! – вскипела старуха. – Вас что, за четыре года в школе не научили письма писать, тебе неученая должна объяснять?!

Нина вздохнула и начала писать: «Здравствуй, дорогой сын! Мы очень скучаем и переживаем за тебя...»

Тут она остановилась и подумала, что Дунька вряд ли сказала бы такие слова и Миша, должно быть, удивится. Хотя это произойдет в любом случае, ведь его родители не умеют писать. Если он вообще сможет сейчас чему-то удивиться... И при условии, что дойдет письмо... Если он вообще жив...

Нина потрясла головой, стараясь избавиться от грустных мыслей, и продолжила: «Как твое здоровье? Где ты сейчас, чем занимаешься? Дай обязательно о себе весточку, мы тебя любим и ждем...»

– И напиши, чтобы этот шпана ни в коем случае не намыливался на фронт, я его знаю! Пусть домой чешет, я его тут выпорю за то, что заставил нас так переживать!

«Мать очень просит тебя вернуться домой и не уходить на фронт. Позаботься о ее слабом здоровье и сердце», – Нина невольно усмехнулась.

– Небось пишешь, что Дунька совсем сдурела! – подозрительно прищутив глаза, пытаюсь что-то понять в неизвестных закорючках, пробухтела «Яга».

– Нет, я просто усмехаюсь тому, какой у меня плохой почерк, давно не писала... Как бы что разобрал... – быстро соврала невестка.

Старуха кивнула с важностью знатока:

– Даже я вижу, что буквы скачут как пьяные! – на самом деле почерк был мелкий и очень аккуратный. – Ну ниче, он парень умный, разберется! – с плохо прикрытым восхищением произнесла она. Родители действительно очень гордились младшим сыном, ведь он у безграмотных деревенских стариков поступил аж в военное училище! Не то что старшие балбесы...

Нина понимающе кивнула, свернула бумажку в треугольник, потому что конверта не было, написала на краешке просто «Петрову Михаилу Васильевичу, город Тамбов, летное училище» и торжественно вручила свекрови, которая даже покраснела от удовольствия.

– Так, теперь Васька придет, отправлю его отвести или передать как-нибудь... – пробормотала она себе под нос, засунула драгоценность вместе с пером и чернильницей в ящик под ключ и села обратно за стол, положив на него немного трясущиеся иссохшие руки.

– Спасибо, – тихо произнесла она после долгой паузы и, не дождавшись ответа, быстро вскочила и убежала готовить кушать, словно испугалась, что эта минута телячьих нежностей сделает из нее совсем другого, доброго и адекватного человека.

Чудо, хоть и очень редко, случалось. Один раз оно произошло, когда через месяц Дуня получила весточку от Миши, с Киева. Видимо, их послание он так и не получил. Он сообщил, что их от военного училища отправили в одну из рот выполнять мелкие поручения. Просил не переживать и извинить его.

Второй раз Дуня пришла в себя, когда получила весточку от среднего сына Васи. Нина прочитала добрую весть о том, что он жив и здоров, Дуне и ее мужу вслух. Старуха, к удивлению, была целый вечер добра и весела.

Однако своих внуков от сына Васьки почему-то невзлюбила. Маленькие дети жили в соседнем доме, и пока их мать была на работе, сидели совсем одни, в холоде. А когда прибегали к бабке и просили у той поесть и погреться, та совала им по оладушку и выгоняла:

– Идита, идита домой! – словно они были какие-то совсем чужие попрошайки с улицы.

А когда у нее спрашивали, почему она их так не любит, отвечала так:

– Они такие сопливые! Синюшные сопли аж до колен, особенно у младшего... – а может, у них и сопلي-то были от постоянного холода?..

Зато внучку Машу бабка Дуня полюбила, насколько она вообще была способна любить. А ради этого и Нине можно было потерпеть. Главное, что ее ребенок сыт, одет, в тепле, пока она на работе в колхозе...

Еще и каждый месяц женщина брала отгул в колхозе и носила своему мужу еду в город. Делала она это пешком, с тяжелой корзиной, за три дня преодолевая почти сто километров. И это только в одну сторону. На ночь к себе пускали добрые люди.

– Хоть на пороге, главное, под крышей! – шутила Нина, просясь на ночлег. И все пускали. Кто куда: летом в коровник на сено, зимой в баню или в чулан на шубу. И все всегда кормили. Хоть и война была. Нина потом всю жизнь сама готовила лишнюю порцию еды, со словами «а вдруг кто зайдет с дороги?»

В редких случаях встречалась какая-нибудь машина с другого города. Подвозили тогда. Но это было не чаще нескольких раз в год, машин-то мало было совсем в тылу.

В Моршанске Нина родила второго ребенка. Слабенькую девочку Раю. И пропустила свое отважное путешествие всего один раз. Бедная маленькая Маша, когда мама уходила, прощалась с ней навсегда... И всю неделю дрожала от страха. Особенно, когда весной около самого дома бурлила вода, которая легко могла смыть не только беззащитную мать, но и целый дом... Тогда девочка ставила корзинку со своей крошечкой сестренкой рядом, пробиравась к бабке на печку и, слушая слабое дыхание Раи, тревожно засыпала. Каждую ночь ей снилось, что злая

вода смыла маму и сестренку. В одну страшную ночь Рая действительно перестала дышать. В войну умирали часто не только дети. От болезни, голода, холода...

Рае сшили белое платье, как ангелочку. Хотя она им и была. Родственники Нины, ее мама и сестра Люба, плакали, когда хоронили девочку прямо в земле... И маленькая Маша пускала слезы вместе со всеми, хотя не понимала, почему все жалеют мертвую сестренку. Ведь девочке уже не будет плохо, она ушла на небо. Маше было всего 4 годика.

Что в то время помогло Нине пережить смерть дочери, одному только Богу известно. Никому она не сказала ни слова в укор. Ни разу при людях не заплакала. Но много лет потом не могла улыбаться.

Вскоре Василия выбрали главой колхоза. Он пришел и удивленно об этом доложил Нине.

– А что вы удивляетесь-то? Кому еще? Одни ведь бабы в деревне да безрукий калека-пьяница...

– Ну я как-то боюсь... Если ты только будешь мне пособлять...

– Вот нашли еще помощника! Четыре класса с горем пополам закончила!

– Ну все равно, хоть бумажки какие-нибудь калякать, чтобы мне времени хватало заниматься остальными колхозными делами.

– Ну хорошо! Чем смогу, тем помогу!

И Маша томными зимними вечерами наблюдала, как мама и дедушка на кухне до ночи сидели при свете керосинки, заполняли какие-то бумаги, планировали, что и где посадить, считали урожай.

– Да, в этом году вышел щедрый урожай! – мусоля самокрутку, радовался старик. И первым делом везли налог государству, на благо Родины. А потом уже распределяли по работникам, считая трудодни.

Когда Маша с родителями после войны переехали в другое место, она почти забыла об этом страшном и тяжелом времени. Помнила только по рассказам. В раннем детстве все как-то легко переносится, сглаживается. Даже шрамы заживают, остаются только маленькие рубцы...

Брат ее отца, Михаил, в 18 лет отправился на фронт, благополучно дошел до Берлина и вернулся домой с наградами. Правда, в феврале 1945 года его ранили в плечо, но не сильно, и молодой организм быстро справился. Ведь впереди было решающее сражение!

Вернулся двадцатилетний юноша не всем знакомым Мишкой, а Михаилом Васильевичем. Настолько он постарел за эти годы... Василий тоже вернулся живой и здоровый. В войну он воевал на Курской дуге и получил награду за мужество.

В 1947 году Николай, Нина и Маша переехали в Ивановку, молодое село в Т. области. Там строилось подсобное хозяйство, и мужчину поставили главным. Вначале они жили в землянке, потом снимали жилье, в обед и выходные самостоятельно строя свое. Братья Миша и Вася им очень помогали со строительством – младший собственноручно изготовил чудесные деревянные окна, в каждом по форточке, а для большой комнаты, зала, окно могло открываться нараспашку, впуская в жильё запах цветов из сада и свежий хвойный запах. А старший возводил стены из дерева и глины. В 1953 году семья Петровых наконец-то переехала в простенький, но собственный домик около соснового леса. Отец Николая Василий дал молодой семье по тем временам чуть ли не целое состояние: три мешка зерна и корову, которую они гнали с Моршанска пешком много дней. Жизнь начала налаживаться.

Глава 2

Послевоенное детство

1947 год

Чем прекрасно детство, так это тем, что все вокруг кажется замечательным: ты не замечаешь проблем, зла и горя, а все неприятности быстро забываются. Каждый день для тебя – это целый удивительный мир, наполненный различными приключениями. Ты встаешь с утра и выбираешь, чем заняться сегодня. Конечно, если родители не попросят тебя чем-то помочь – но в основном дети после войны росли вольно, как трава в поле. Взрослым не было времени за ними следить – у них работа, огород, хозяйство.

Жизнь в деревне и вовсе прекрасна: как только встает солнце, быстро сделаешь свои обязанности – убегаешь на улицу и не появляешься практически до самой ночи. А мама за тебя может не переживать, ведь все друг друга знают и никто не даст тебя в обиду. Вот и Маруся, которой весной исполнилось семь лет, с утра пораньше, прямо в сорочке, пошла во двор. Летняя прохлада легонько покусывала за худенькие плечики. Машенька покормила курочек и поросенка, налила в большое деревянное корыто чистую воду из бочки. Потом пошла в курятник собирать в маленькую деревянную корзинку яички. Ночью курочки спали на шестах, а потом несли яйца в несколько ящичков, устеленных соломой. Но иногда птички вредничали и не хотели нестись в ящики. И тогда Марусе приходилось искать яйца по всему двору. Но сегодня несущки молодцы. Маша достала пять крупных коричневых яичек, положила в корзиночку и отнесла домой.

Начала собираться гулять с деревенской детворой. Она надела синее платье, которое ее мама перешила из папиной рубашки, расчесала деревянным гребнем и заплела в длинную косу свои темные густые волосы и наспех поела кашу, оставленную мамой в кастрюльке, плотной завернутую в папин тулуп, чтобы не остыла. Потом Маня надела старые сандалии, которые достались по наследству от какой-то выросшей девочки, закрыла дверь на ключ, спрятала его под коврик и вприпрыжку выбежала из дома.

Около порога висел рукомойник. Малышка умыла свое круглое личико, на котором сверкали большие карие глазки, и со вздернутого маленького носика картошкой начали стекать капельки колодезной воды прямо на пухленькие алые губки. Вытерлась старым полотенцем и побежала.

В центре деревушки на широкой песчаной улице уже было много детворы разных возрастов, хотя часовая стрелка показывала всего семь. Все были в одежде не по размеру, ведь в основном донашивали за старшими братьями или сестрами, либо, как и Маша, щеголяли в перешитых из взрослых ненужных вещей. Но никто не стеснялся этого – всем не приходилось модничать из-за сильного дефицита в стране.

Ребята играли в лапту. Марусю, как и ее ровесников, не брали с собой, потому что считали их слишком мелкими – будут мешаться под ногами, и их «зашибут». Лаптистам было минимум двенадцать лет, и они считали себя взрослыми. Среди них было только несколько девочек, остальные мальчишки. Играющие были загорелыми, поджарыми и грязными от пыли и пота. Сегодня троих парнишек забрали пасти скот, поэтому для игры не хватало участников. Пришлось выбирать из кучки малышни, вертящихся рядом. Девочка, Машина соседка, подошла к траве, где сидели «зрители». Она выбрала свою сверстницу – долговязую шатенку с унылым лицом; парнишку – длинного худого блондина с добрыми серыми глазами и носом-картошкой, по виду ему было лет десять; и, ко всеобщему удивлению, Машу.

Мальчишка, которого тоже взяли в игру, с недовольным видом посмотрел на Маню и фыркнул. Мол, ну и взяли мелюзгу. Та, мельком глянув в его сторону, гордо приподняла крошечный подбородок и с торжествующей полуулыбкой отвернулась. Он еще полминуты смотрел на ее гордые прямые плечики. Началась игра.

Правила были простыми, но для участия нужна была неплохая физическая подготовка: скорость, ловкость, меткость. «Подавала» подкидывает мячик, а другой игрок бьет по нему палкой, потом швыряет в сторону биты и бежит к финишной черте. Дежурящие «в поле» должны поймать этот мяч или, подхватив с земли, попасть им в не добежавшего до финишной черты «забивалу».

Мане дали узкую доску, которая в длину была чуть ли ей не вровень, вдобавок очень тяжелой и шершавой. Парнишка озорным взглядом серых глаз неотрывно наблюдал за ней – его задачей было «выбить» Машу, как только она побежит мимо. И вот мяч кинули, Машка изо всех сил ударила по нему битой, отбив его куда-то в кусты. Бросила палку и рванула что есть сил. Она бежала – маленькая, худенькая, но такая шустрая и сильная. Ее толстая коса стучала по спине, короткие боковые волосы выпали и закрутились на висках. Мяч нашли и начали кидать в «жертву», но та, ловко уворачиваясь, без труда добежала до финиша победительницей. Она довольно посмотрела на паренька, который в ней сомневался. Тот скорчил недовольную рожицу и отвернулся. Игра продолжалась долго, мальчик, когда Маше еще предстояло быть «забивалой», стал усерднее целиться, но никому в нее так и не удалось попасть.

В полдень, когда беспощадное высокое солнце разбрасывало свои обжигающие лучи, уставшие и счастливые ребята дружно побежали на речку. Их приютил небольшой пляж с золотистым песком и широким заходом в воду. Озеро окружали густые заросли камыша, в которых плескались лягушки и мелкая рыбешка, посередине был вытоптан иловый берег, а по краям тина. Сбоку речки был длинный деревянный мостик, с которого по очереди ныряли в воду различными способами. Детвора купалась в том, в чем играла на улице, но как это было весело! Правда, девчонки постоянно теряли ленточки, заплетенные в косички. А еще, самое страшное, ловили вшей, которых потом приходилось выводить ужасно вонючим раствором, а в худшем случае – бриться налысо!

– Что, не умеешь плавать? – с вызовом спросил подплывающий к Марусе пацаненок, с которым они играли в лапту. Та стояла по колено в реке, умывшись и намочив немного волосы.

– Да, – равнодушно ответила та.

– Хочешь, научу? – спросил он, переменив манеру общения на добродушную, и встал по пояс в воде. Юнец был без майки, и все его выпирающие ребра красовались на солнце.

– Ты сам-то давно умеешь? – усмехнулась в ответ девчонка и прищурилась. Паренек, наблюдавший за ней искрящимся взглядом, немного смутившись, ответил:

– Брат недавно научил... По-собачьи. Иди сюда, мы не будем далеко заплывать, не бойся!

– Мне мама не разрешает купаться без взрослых, – последовал немного обиженный ответ.

– Мне тоже, но у меня тут старший брат.

– Везет, – с завистью ответила Маня. – Ну ладно, мне пора. Пока!

– Пока! – нехотя попрощался тот.

Маша шла настолько быстро, насколько позволяли ноги. До дома было идти около пятнадцати минут, но этот путь оказался нелегким, и пока дошла, она вся вспотела – было изнуряюще жарко. В избе мать сварила обед и уже ждалась ее.

– Ну наконец-то! – пытаясь делать грозный вид, произнесла молодая женщина. Ей только недавно исполнилось тридцать лет, красивая и крепкая. Маруся была ее маленькой копией.

– Прости, мам! – с щенячьими глазами произнесла Маша. – меня сегодня старшие взяли с собой в лапту, представляешь!

– Ого! – искренне удивилась мать. – И тебе несложно было с большими играть? Не испугалась? – спросила мягко, при этом доставая из куртки завернутую кастрюлю с картошкой.

– А вот совсем и не страшно! И несложно! – затараторила Машка. – Я как ударю, а мячик как улетит в кусты, они его пока ищут, я вжик, и уже почти пробежала, и все!

– Молодец! – улыбнулась женщина, и, подойдя к чаду, поцеловала в лоб. Потом поставила на стол кастрюлю с картошкой в мундире, хлеб и квас. – Иди мой руки и за стол!

– Ух, как проголодалась! – подтвердила маленькая растрепанная девчонка и быстро сбежала умыться к крыльцу.

Вернулась и плюхнулась на лавку рядом с массивным деревянным столом. Обеденное место располагалось в центре небольшой комнатки, отделенной потрепанной шторкой от тоже тесной кухоньки с белой печкой. Напротив кухни были две двери, одна – в спальню, где стояла родительская узкая пружинная кровать, другая – в комнатку Маши.

– Mamочка, пожалуйста, давай сходим на речку! – умоляюще произнесла Маня.

– Так много дел... – начала женщина. Девочка расстроено и очень серьезно посмотрела на мать. – Но на часик можем сходить! – добавила мама и с улыбкой посмотрела на дочь.

Та благодарно ей кивнула и продолжила есть картошку быстрее. После еды она помыла за собой посуду и побежала переодеваться в свой купальный костюм – для нее мать перешила папину тельняшку, и, надо сказать, получилось очень симпатично.

Когда Маня с матушкой пришли на речку, там еще купалась ребятня, с которыми она играла в лапту – и тот мальчик тоже. Завидев ее издали, он сначала немного растерялся, а потом вышел на берег и плюхнулся на песок, чтобы согреться. Нина села на травку в тени – сегодня она почему-то не купалась, но не сводила глаз с дочурки.

Маруся зашла по пояс, зажала нос рукой, набрала ртом побольше воздуха и смело нырнула. Прохладная водица окутала ее со всех сторон, обняла, словно давно ждала, и потом бодро вытолкнула наверх. Ох, это приятное чувство окунуться после жаркого дня – вода, как лучший лекарь, успокаивает, бодрит, придает сил, смывая всю усталость и плохие эмоции.

– Я обещал научить тебя плавать, – послышался голос сзади.

К ней приблизился мальчик. «Что он ко мне прилепился?» – подумала про себя Маша, но потом решила, что ей нужно хоть с кем-то подружиться.

– Да, видишь, я пришла, – усмехнулась она.

– Классный купальный костюм! – одобрил паренек.

– Спасибо, мама сшила. Я, кстати, Маша...

– Я знаю, – неловко промямлил тот. – Мы, вообще-то, с тобой соседи...

– Правда?! – вытаращив глаза от удивления, громко произнесла девочка.

Потом недоверчиво посмотрела на собеседника и вспомнила. Этот мальчик живет около нее в небольшом бревенчатом доме, его мать – пожилая женщина, у которой погиб муж на фронте, а на ней осталось четверо детей – самой старшей лет двадцать, и она уже замужем, ее сестре лет пятнадцать – Маше очень нравилась эта девочка Катя. Потом у соседей мальчик лет двенадцати, задира еще тот, а младшему ребенку лет восемь. Так, получается, это самый младший... Он, оказывается, ее ровесник, а выпендривается-то! Кажется, его зовут Вася...

– Извини, я тебя сразу не узнала, – после долгой паузы ответила она.

Мальчишка рассмеялся в ответ. Он не обиделся.

Вася показал Маше, как нужно плавать по-собачьи. Сначала у нее не получалось, потому что она очень боялась и начинала идти ко дну.

– Надо расслабиться и полностью довериться воде. Ее нужно полюбить, и тогда та полюбит тебя в ответ, будет тебя поддерживать и помогать, – серьезно наставлял парниша.

Этот совет помог его ученице, и она сначала смогла проплыть полметра, а потом метр.

– Ну вот, ты как русалочка! – довольно похвалил он.

Маня стала проплывать короткие дистанции. Ей это очень нравилось. Мама ее периодически окликивала, чтобы та была осторожнее. Время пролетело незаметно, и пора было уже уходить, хоть так не хотелось.

– Мне тоже нужно домой, замерз уже. Да и мать ждет, обедать пора, – объяснил он, выходя за Марусей из воды. Они завернулись каждый в свое полотенце и, о чем-то болтая, поплелись домой.

– До свидания, тетя Нин, пока, Маш! – попрощался Вася около их дома.

– Пока, Вася! Когда будет время, заходи к нам в гости! – улыбнулась Нина.

– Спасибо, как-нибудь зайду! – вежливо ответил тот и пошел дальше, в соседнюю избу.

Маша удивленно посмотрела на маму.

– Очень хороший и воспитанный мальчик, – объяснила ей та. – Рада, что вы подружились. Девочка кивнула, и они молча зашли в жилище.

Поужинали с большим аппетитом. Вышли во двор кормить скот – Маша кормила кур и поросят, Нина собиралась поить и доить корову. Но той еще не было. Мама вышла на улицу глянуть. Нет. Пошла к соседке. И там нет.

– А где же наша Зорька-то? – встревожилась женщина. – Придется идти искать...

– Да ладно тебе, сама придет, – отмахнулась соседка.

Но Нина так не могла. Позвала дочь за компанию, и они отправились в сторону луга. Над лесом садилось солнце, разукрашивая лазурный небосвод в сказочно красивые цвета: тут полоска вишневого цвета, апельсинового и лавандового, а облака розовые и мягкие, словно сладкая вата. Деревянные, немного запущенные дома деревеньки погрязли в густом тумане, а крыши, которые торчали из него, казались необычно высокими и мрачными. В окнах уже зажегся тусклый керосиновый свет, и было видно, что происходило в домах – кто-то пил чай и разговаривал, кто-то читал, другие ужинали. В последней избе на краю поселения перед окнами резвились дети. На лугу замычала корова, Нина позвала: «Зо-о-орька!» Они пошли на голос животного, пробираясь сквозь густой туман по сырой длинной траве, которая колола голые ноги. Корову нашли стоящей у маленького ручья и жующую сочную осоку и повели домой.

Уже стемнело, огромное небо раскинулось над деревней, очаровывая россыпью серебристых звезд и освещая полуночный мир загадочной луной. Стрекотали кузнечики, вдали лаяли собаки, и было слышно, как на пруду дружно квакали лягушки. Маша сильно устала, замерзла и промокла, ноги болели, обратный путь ей показался ужасно длинным. Вернувшись, Маня зашла в теплую комнату, переоделась, поцеловала папу, недавно пришедшего с работы из полей, и без сил уснула.

Следующий день Маруся не пошла играть в лапту, а нашла себе другое занятие. Возможно, чтобы сделать важный вид перед новым знакомым. Ей нравилось искать красивые камушки и стеклышки, из которых она собрала уже небольшую коллекцию. Девчата постарше играли во дворе в «дочки-матери» и позвали ее с собой, в роли дочки. Ее мамой в игре оказалась, по счастливому стечению обстоятельств, Васина сестра. Она кормила ее кашей, приготовленной из песка (конечно, понарошку), салатиками, сделанными из травы и цветов, поила водичкой, воображая, что это молоко или чай. У Мани с собой была кукла – ее единственная игрушка, которую она обожала. Ее сделала мама из ткани, наполненной соломой, а сверху сшила симпатичный тканевый костюмчик.

Мальчишки в это время неподалеку гоняли в футбол с потресканным мячом – бегали босиком, ворота им заменяли пеньки, зато какие эмоции, какой азарт! Они выкрикивали слова, которые были понятны только игрокам, радовались, злились и иногда ругались друг с другом.

Время быстро летит. И вот уже головокружительно промчалась половина лета. В лесу появлялась душистая питательная ягода, на добычу которой пришлось вставать до зари. Нина взяла с собой дочку и двоих соседских детей, которые очень просились, – Катю и Васю. Все взяли с собой еды (хлеб, вареные яйца, огурцы и воду), ведь идти было очень-очень далеко. В лесу жужжали, просыпаясь, комары, лениво щебетали птицы, а на траве и листьях еще лежала серебристая утренняя роса.

– Маш, а ты в этом году тоже идешь в школу? Вася вот уже все уши нам прожужжал, так ему не терпится, – Катя, усмехнувшись, посмотрела на брата.

Тот, глядя недовольно и обиженно, подумал: «Вот коза, вечно меня позорит, лучше бы дома сидела».

– Не знаю, – удивленно ответила Маруся и вопросительно посмотрела на маму.

– Ну да, если возьмут... Сейчас же классы сильно переполнены... Хотя она очень смысленная и шустрая, поэтому должны взять, – пояснила задумчиво Нина.

– Я пошла в семь, а вот Ваське почти девять, его в прошлом году не взяли! – подразнила старшая сестра. Брат, краснея, раздраженно пихнул ее локтем в бок.

– Ну и ничего, зато он целый год еще побыл в беззаботном детстве и пойдет в школу уже осознанно и с желанием, – заступилась Машина мама за мальчика.

– Да, я очень хочу! – деловито подтвердил Вася.

– Я тоже хочу в школу! – поддержала Маша, впервые изъявив такое желание.

– Мы отдадим тебя на подготовку, а там уже учительница решит, идти тебе или пока взять кого постарше, – рассудила мать.

Наконец путники набрали на огромную поляну, усыпанную крупной спелой земляникой, и начали собирать ягоды. Вначале дети насытились сами, и лишь после этого начали наполнять стаканы. Терпения Васи и Маши хватило всего на час, а потом они отдали свою посуду старшим и начали бегать друг за другом. Через какое-то время девочка упала, запнувшись за корень, и разбила коленку до крови. Марусе было очень больно, обидно, но она угрюмо сидела на пеньке, не проронив ни слезинки, пока мама прикладывала к коленке подорожник. Наполнив всю тару до краев (Нина и Катя набрали и посуду младших), они побрели домой, вернулись уже после обеда, сильно устали, но это того стоило! Еще немного потрудиться, перебрать, а потом можно размять добычу с сахаром, смешать с парным молоком, да вприкуску с батоном – вкусотища! Что еще нужно для счастья? Отдохнуть и бежать на речку! Машка уже довольно уверенно плавала, хоть и недалеко, и Нина отпускала ее со старшим братом и сестрой Васи.

– Утонешь, домой не возвращайся! – в шутку наставляла Нина свою дочь перед каждым походом купаться. Та смеялась и упархивала из дома, как птичка.

...

– Поедешь со мной на пасеку? – спросил с утра отец Машу.

Та заулыбалась, захлопала в ладоши и ответила:

– Ой, конечно!

– Только нужно как следует одеться, а то тебя пчелы съедят, – хитро улыбаясь, произнес он, пугая дочку.

– Это как? – удивленно спросила она.

– Ладно, одевайся как обычно, я тебе все возьму, там и оденешься, – махнул мужчина рукой и пошел собирать вещи.

Николай что-то наложил в холщовый картофельный мешок, взял две пары резиновых сапог и вышел во двор. Там он положил все это в деревянную телегу, вывел лошадь из стойла, напоил ее, надел на нее уздечку, запряг к телеге. Сев впереди на телегу, крикнул Маше:

– Ну, поехали!

Девочка выбежала в клетчатом коричневом сарафане, в белом платочке, кожаных босоножках, держа в руках авоську с едой и водой. Все это им в дорогу заботливо собрала мать. Теперь она стояла на пороге в плотном халате цвета хаки, вытирая руки о рабочий коричневый фартук, который был весь в пятнах. На голове повседневный серый платок скрывал темные густые волосы, и только несколько прядок висело на маленьком лбу с капельками пота. Николай кивнул жене, аккуратно ударил вожжами коричневую лошадь и сказал: «А ну, пошла!». Телега немного заскрипела, и путники помахали Нине, а там им.

– Осторожнее там! – шурясь от яркого утреннего солнца, встревоженно пожелала она.

Они ехали по песчаной дороге сначала по деревне, потом заехали в лес, пышущий прохладой. Скрип телеги, цоканье копыт, гудение комаров, пение птиц, которые, словно соревнуясь между собой в красоте и громкости, создавали необычайную атмосферу счастья. Гармония с природой. По бокам в густой сочной траве прятались белые маленькие цветочки, птички и даже белочки. В такт остальным звукам стучал дятел, словно барабанщик, отбивающий ритм.

Но настоящий восторг Маша почувствовала, когда они выехали на безграничное поле, усыпанное ромашками, колокольчиками и клевером. Все это так благоухало, жужжало и шуршало под еще нежным розовым солнцем и теплым ветром!

И вот наконец они приехали к пасеке: синие и желтые пчелиные домики стояли в окружении фруктового сада, и все это защищал синий деревянный штакетник. В этом саду опасно бурлила жизнь. Пчелы, словно самолеты-истребители, гудели везде и были готовы в любой момент ринуться в бой, защищая свою территорию.

Николай слез с повозки, привязал лошадь к краю ограды и достал свой мешок. Как Дед Мороз, он вынул длинный черный плотный плащ и кинул его к Маше, откуда же извлек огромные резиновые перчатки и шляпу-сетку на голову. Маша надела все это, влезла в резиновые сапоги, достигающие ей до середины бедра, и стала похожа на какого-то пришельца или человека из фильма ужасов. Все на ней болталось, плащ тащился по полу, и она, почти ничего не видя под ногами, как робот, вошла на пасеку. В руках у нее было небольшое железное ведро. За ней, словно рыцарь в латах, вошел Николай, неся несколько огромных ведер. Их тут же накрыл рой пчел, и гул поднялся такой, словно они стоят рядом с самолетом, который вот-вот взлетит.

– Не бойся, пчелы нас не тронут, – тихо объяснил отец. – Главное, не волнуйся, они, как собаки, чувствуют наш страх.

– Хорошо, – пролепетала девочка, пытаясь успокоиться и унять дрожь в ногах.

Николай обогнал ее и пошел вперед, она поплелась следом, с трудом переставляя ноги. Мужчина подошел к одному из домиков, открыл его и жужжание усилилось – из улья вылетел целый рой и облепил его. Маша испугалась, но вскоре тучи разошлись, и она увидела, как отец

достал квадратную деревянную пластину, всю в сотах. На овальных узорах сидели пчелки, и из сот медленно, словно желе, выливался темный мед. Мужчина уверенно нагнул рамку под нужным углом и слил все цветочное золото в ведро, вернув рамку на место. И так он проделал со всеми ульями. Запах поднялся невероятный! Цветов, липы, смолы, горчицы, мяты... Головокружительный аромат! В ведро Маши отец положил целые соты, сгоняя пчел и аккуратно разламывая брусочки на небольшие кусочки.

Через пару часов они вышли с богатым урожаем, закрыли калитку и поставили ведра на тележку. Дальше Николай закрыл их тяжелыми железными крышками и как-то закрепил веревками на телеге.

– Можешь снимать! – засмеялся мужчина, указывая на облачение дочки, тут же сам избавившись от своей шляпы.

Маруся сделала это с трудом, так как из-за жары все прилипло к ней. Но она все это время мужественно терпела. А то отец больше никуда с собой не возьмет. Дальше мужчина достал еду, разложил старый коврик на траве около телеги, положил туда подкрепление и пригласил дочь.

– Проголодалась? – спросил он и осторожно водрузился на край ковра.

– Очень! – ответила девочка и услышала, как ее живот жалобно заурчал.

Утолив голод, они достали из Машиного ведерка по кусочку соты и с удовольствием съели терпко-сладкое золото, вобравшее в себя всю пользу и энергию природы.

– Ну что, в путь? – собирая вещи, спросил отец.

Обратно они ехали медленнее, чтобы не расплескать мед. Солнце пекло. Маша, не чувствуя ног от усталости, но счастливая, накрылась своим платком и ковриком и задремала, окруженная запахом сена и меда. Приехали домой они уже под вечер. Это был их единственный раз, когда они провели время вместе, по-настоящему. Как заботливый отец и счастливая дочь.

...

В семь с половиной лет Маша Петрова пошла в школу. За месяц до начала занятий она посещала подготовку, где учитель смотрел на ее способности, решая, взять ли к себе в класс или пусть погуляет еще годок. За две недели до конца лета маме Маруси дали положительный ответ, и родители начали готовить дочь к школе. Папа добыл школьные принадлежности (немного тетрадей, которые нужно было разлиновывать самостоятельно, карандаш, чернила) и белые ленточки, хотя это было крайне трудно, опять же из-за дефицита. Нина обменяла мешок зерна на коричневую ткань и всю неделю шила школьную форму, а учебники выдавали бесплатно в школе (в начальных классах одна книга на три человека).

И вот настало первое сентября. Коричневый сарафан, белые колготки и ленточки в косичках, а в руках огромный букет желтых и бордовых хризантем, собранных в огороде. Самый волнительный день, когдаходишь во взрослую жизнь, – тебя ведут за руку, как цыпленка, ты рассказываешь заученный стишок, который запоминал целую вечность, и, скорее всего, все равно из-за страха забудешь. На тебя все смотрят, улыбаются, поздравляют. Радуетесь, но толком ничего не понимаешь. Хорошо, что у Маруси уже был один друг в классе. Так спокойнее. Вася был в школьной форме, поношенной и великоватой ему, с аккуратно расчесанными волосами. Он был опрятен и спокоен.

Первый учитель – пожилой мужчина с выправкой военного, с маленькими глазами и носом, похожим на грушу. Его звали Геннадий Степанович, но дети часто называли его Гена Степович, потому что не могли запомнить сложное отчество. В классе было почти тридцать человек, и первых классов было четыре, как, впрочем, и остальных. Многие в школу шли гораздо старше положенного возраста, ведь из-за войны часто приходилось работать и помогать маме. Таких у Маши в классе было аж трое мальчишек – двенадцатилетних забияк, которые часто передразнивали пожилого преподавателя, ведь у него был слабый слух. За плохое поведение или за то, что кто-то не выучил урок, учитель торжественно на весь класс объявлял: «Садись, тебе кол!» И ставил огромную единицу на всю клетку.

Первый год ученики осваивали буквы и письмо. Вначале простым карандашом. Уже позже появятся перьевые ручки, и придется учиться еще и чистописанию. Выводить буквы не только красиво и правильно, но и без клякс, а это уже целое искусство. Учебников было всего несколько на целый класс, и задание выписывали на доску, а для чтения передавали по очереди.

Машу посадили за третью парту второго ряда с Васей. Он был очень неусидчивым: постоянно вертелся, болтал на уроке и отвлекал соседку. Потом, смирившись и немного привыкнув к дисциплине, он начал вклеиваться в учебу и оказался способным учеником. Начали с Марусей соревноваться, кто быстрее и лучше выполнит задание учителя.

На перемене дети выходили в школьный двор и резвились на воздухе. Вася дрался с мальчишками и обижал девочек – дергал их за косички, но больше всех донимал Маню. Зато другим пацанам он не давал ее и пальцем тронуть, всегда заступался. После школы Вася провожал Марусю домой и помогал донести ее тканевую сумку с тетрадками.

Мария общительная и веселая девчонка, поэтому познакомилась с одноклассниками и почти со всеми подружилась, кроме нескольких особ, которые всегда задирали высоко над всеми нос. Маше особенно пришелся по душе урок музыки – у нее был хороший сильный голос, она могла взять любую ноту, и ее почти с первых дней учебы записали в хор.

После школы ребята, наспех выучив уроки, бежали на улицу. Теплая и солнечная погода держалась до конца октября, позволяя насладиться роскошными осенними видами и запастись впрок грибами и овощами. На поле золотилась рожь, в огромных тюках томилось сено, с огородов собирали богатые урожаи. В садах, заманивая откусить за румяный бочок, висели сочные яблоки и груши, красовались увесистые гроздья винограда. Вот это жизнь! Праздник живота!

У ребят даже кочерыжки от капусты, которую обрабатывали в колхозе для дальнейших заготовок, шли за милую душу!

...

Теплую осень сменил серый унылый пейзаж с пасмурным небом и голыми деревьями, с пронизывающим ветром и слякотью под ногами. С томными вечерами, когда в четыре уже темно как ночью. С простудой и ленью. Наверное, это «черная полоса», которая обязательно должна разделять что-то прекрасное и светлое, тем самым создавая удивительный контраст для полноты и многообразия жизни. Если бы не существовало зла и горя, мы никогда по достоинству не оценили добро и счастье. Это как тень, отбрасываемая от света, – она его противоположность, но в то же время является с ним единым целым и также подчиняется одному солнцу.

Дети, как и взрослые, в такую погоду обулись в резиновые сапоги и бесформенные телогрейки, в руках были хлипкие тряпичные зонтики, которые плохо защищали от дождя. Лишний раз из дома не выйти, да и неохота.

С первым снегом появляется и праздничное настроение. Еще бы – медленно падающие пушистые хлопья, так непохожие друг на друга, можно разглядывать вечно, они словно переносят в сказку!

Снег и мороз увеличивает количество детских развлечений. Только белый земной покров закрепился, первоклашек на физкультуре повели учить кататься на лыжах в школьной коробке. Небольшие деревянные досочки, крашенные в красный или зеленый, а к ним прикреплена резинка, в которую вставляешь ногу в валенках, закрепляешь, и вуаля!

Тридцать пингвинчиков, размахивая шерстяными варежками на резинках, неуклюже перебирая короткими ножками в толстых ватных штанах, в свитерах, падали, смеялись, вставали, падали снова, промокали, вставали... Но как это радостно и весело!

А потом на круглом озере застыл лед. И тогда Машин папа сделал ей самые настоящие скользянки, ведь в деревне коньков днем с огнем не сыщешь. Наточил с одной стороны железки, прикрепил их к валенкам, и Маша помчалась, шустро перебирая ножками, словно рождена была для катания! Какие только трюки она не научилась делать: и на одной ноге, и елочкой, и ласточкой, и спиной вперед!

...

Двадцать четвертого декабря Николай принес домой большую пушистую елку из леса. От нее пахло свежестью и смолой. Сначала ее поставили на несколько часов на веранде, чтобы она немного оттаяла. В это время Нина и Маша достали коробку с украшениями, большую часть которых они делали целый месяц до этого: леденцы в виде петушков, которые Нина сама сварила из сахара и разлила в формочки. Их они подвешивали на ниточку с хлебом, завернутым в бумагу, раскрашенную цветными карандашами. Из такой же бумаги Машиними руками были сделаны в школе цепочка длиной метра два, фонарики и снежинки. Среди игрушек еще были сушки, баранки и сушеные апельсиновые дольки, подвешенные на нитку. Снег заменяла вата. На макушке была синяя рождественская бумажная звезда, а под елкой самодельный домик из картона.

С краю комнаты разместили зеленое железное ведро с песком, туда воткнули елку, а основание обмотали белой простыней. Украшали елку под песни, доносящиеся из радио с кухни.

На ужин были пирожки с картошкой и грибами, пирог с капустой и компот из клюквы.

– Вот, Маш, раньше, пока не было советской власти, отмечали Рождество Христово, 25 декабря, и праздновали с вечера. А рано-рано утром дети ходили по домам, славили Христа. Новый год тоже отмечали, но только уже как второстепенный праздник. А при СССР его сделали главным, чтобы люди не отмечали Рождество, – объясняла мама.

– Почему? – удивленно спросила маленькая Маша.

– Ну, потому что власть гнала церковь. Считала, что она их чуть ли не главный враг.

– Почему? – не унималась наивная девочка

– Просто верующие подчиняются Богу. У них крепкий внутренний стержень. Им сложно навязать что-то своё.

– То есть не всему, чему там учат, можно доверять?

– К сожалению, не все правда. Вас будут учить тому, что человек произошел от обезьяны, что комсомол – лучший друг и что батюшки все толстые, жадные и лживые.

– А... – задумчиво ответила Маша, погрузившись в свои размышления. Что-то прикинула у себя в своей детской, но очень сообразительной головке и спросила:

– Мне про это лучше никому не говорить, да? А то над нами будут смеяться, как над моим одноклассником Лешей и его бабушкой?

– Да. В лучшем случае смеяться...

У Леши дедушка был батюшкой, и его еще при Ленине сослали на каторгу в Сибирь. Хорошо хоть, не расстреляли. Бабушка осталась одна с тремя детьми, пришлось в две смены работать в колхозе и на заводе. Все ее обходили стороной и почти никто не общался, как с прокаженной. Жена священника, какой позор! Да еще и не отказывается от веры. Как ее вообще еще земля советская носит! Еще и детей своих небось ереси обучает. Они вон с крестиками ходят.

Лешина мама рано вышла замуж. Но ее муж оказался настоящим коммунистом, презирающим церковь и все, что с ней связано. Во время Великой Отечественной войны его забрали на фронт, где он погиб в первый же месяц сражений.

Мама Леши переехала в отчий дом, много работала и редко бывала дома. Воспитанием в основном занималась бабушка. В доме висело множество икон, и когда учителя навещали Лешу, они чуть ли не падали в обморок. Все в школе дразнили Лешу из-за бабушки и за то, что он носил крестик. А еще он был толстым, неповоротливым, скромным мальчиком. Из-за болезни.

У Маши бабушка тоже была верующей, только хранила это втайне. Иногда, когда они с мамой приезжали к ней в гости в Моршанск, старуха доставала из укромного места маленькую черную библию:

– Скоро будет конец света! – и показывала пальцем на некоторые затертые страницы. – Вот, написано, что будут гонения на церковь, а потом ужасные моры, несчастья и землетрясения. Все сбылось! И гонения, и война! Немного нам осталось! В страшное время вы, Маша, будете жить!

– Нам, христианам, всегда кажется, что мы живем в последнее время... Даже еще две тысячи лет назад такое было! Возможно, что еще будет такое время, когда все будут возрождать: откроют все церкви и монастыри, будут стоять новые, все побегут венчаться... – скромно возражала Нина.

Двадцать восьмого декабря отмечали Новый год в школе. В небольшом спортзале поставили огромную елку, украшенную бумажными игрушками, сделанными школьниками и учителями. Всех девочек наряжали снежинками, а мальчиков зайчиками или звездочетами. Главные гости праздника – Дед Мороз в синем халате и Снегурочка в голубом.

Дети показывали праздничный концерт. В конце всем подарили по книжке и набору карандашей. Было весело и интересно. Леши на празднике не было. И Маше его было жалко.

На новогодних каникулах Нина сделала для всех деревенских ребятишек ледяную сказку. Она скатала из сена и навоза круги с выемкой для сидения, опустила в таз и вынесла на ночь, на мороз. Содержимое застыло и превратилось в ледянки. Горку около дома Нина залила водой. Туда сбежалось много детей и давай кататься! Кто на ледянках, кто на самодельных деревянных санках, смех на всю округу! А рядом на балалайке играет русские народные песни Николай, а ему подыгрывает на баяне подвыпивший добряк сосед! Как умели люди радоваться простым вещам и ценить малое!

Правда, не все. Злобная старушка-соседка постоянно ворчала на детей, мол, шумят тут ей под окнами! Сначала пробовала разогнать, а потом засыпала горку золой с гвоздями! Дети в слезы. Нина к соседке пришла, и еще несколько женщин, говорят: «Что ты вредничаешь, хватит детям пакостить!» Долго с ней разъяснительные беседы вели, уговаривали, в итоге она согласилась детей оставить в покое. А потом вышла, посмотрела на них, попросила у мальчишек санки и сама как съехала с горки, смеясь, как в детстве! После напекла пирожков и угостила детей, извиняясь за свою старушечью ворчливость. Да, иногда такое бывает и не только в сказке. Но любому счастью и спокойствию не суждено длиться вечно. Каникулы закончились, а в школе их ждало страшное известие.

***

1953 год

Учительница по русскому и литературе, пожилая полная женщина со строгим лицом, пришла на урок в слезах. Ее обвисшее лицо опухло, глаза покраснели и налились влагой, словно они, не останавливаясь, плакали всю ночь. В ее усталых глазах была пустота, что и взглянуть было страшно. При ее виде ребята затихли, потупив взгляд, сочувствуя горю. У девочек, глядя на нее, у самих слезы налились на глазах и сердце сжалось.

– Товарищи, сегодня у нас, у всех граждан Советского Союза, произошло огромное, несоизмеримое горе! – произнося это дрожащим голосом, торжественным и печальным одновременно, она вытирала крокодильи слезы клетчатым платком. – Эта утрата поистине печальна и тяжела! Наш отец, наш вождь, наш предводитель – тот, благодаря которому мы смогли победить проклятых фашистов и освободить нашу Родину! Тот, кто поднял нашу страну с колен и позволил гордо поднять голову! Тот, благодаря которому экономика, да и жизнь каждого из нас выросла в десятки раз! Сегодня он, наш всеми безмерно уважаемый Иосиф Виссарионо-

вич Сталин... – тут она сделала торжественную паузу и смачно высморкалась, – навсегда, к величайшему нашему горю, закрыл глаза! – и заплакала.

Девчонки и многие парни под воздействием такой пронизательной и эмоциональной речи тоже заплакали.

Прорыдав достаточное время, учительница попросила тишины и произнесла:

– Давайте почтим этого великого человека минутой молчанья!

Все молча встали и серьезно и задумчиво выстояли положенное время, отведенное учительницей на ручных часах, а потом так же молча сели.

По программе был Пушкин, но весь урок проговорили о революции, новой власти и несомненном благе для всех живущих в этом прекрасном мощнейшем государстве, которое осиротело. И о том, что никто, хоть на малую долю, не сможет заменить такого умнейшего руководителя.

...

Иногда вечерними зимними вечерами к Нине приходили подруги-соседки. Обеденный стол разбирали, накрывали старенькой, но аккуратненькой коричневой клетчатой скатертью, ставили большой самовар и пили чай. Разговаривали о жизни, о детях и попивали горячий напиток, не из чашек, а из блюдец, с сахаром или медом в прикуску. Повязывали платок на лоб и пили чашку за чашкой, пока не вспотеют и не выпьют целый самовар. Потом самовар убирали и доставали холщовый черный мешочек. Там хранилось лото – потертые бумажные карты и деревянные бочонки. Ведущая не называла цифры, а «шумела». Играли на деньги, копейки. И мелочью закрывали выигранные цифры. Кто первый закрыл карту – тот и победил. Если очень повезет, можно было выиграть денег на булку хлеба. Вприкуску из маленького тазика ели жареные семечки. Машеньке нравилось наблюдать за взрослыми, которые были похожи на мотыльков, собравшихся под тусклым светом керосинки.

– Вы на пол бросайте шкурки, я потом подмету! – каждый раз просила девочка, и женщины вначале от удивления выпучивали глаза на ее странную просьбу. А ей просто нравилось, как скорлупки шуршали по деревянному полу, словно воробьи чирикают!

Реже играли в карты. В дурака или «буру» – тот же дурак, только по три карты раздавали. К ним присоединялся Николай: он был профессионалом в игре – запоминал все карты, которые вышли, и мог просчитать, у кого какие карты. Просто выигрывать было неинтересно: удовольствие доставляло кому-нибудь оставить «погоны» на плечах из шестерок.

Суббота традиционно была днем чистоты. Вначале с самого раннего утра устраивали большую стирку. Крупные вещи – постельное белье, куртки, кофты, штаны. Летом ходили на речку и стирали там хозяйственным мылом. Были специальные мосты и подставки около берега – туда даже скапливалась большая очередь. Дети веселись или резвились рядом на берегу. Иногда они купались, а мамы краем глаза за ними следили.

Зимой самые стойкие и крепкие также стирали в прорубях, либо носили воду и стирали дома или в сарае в каком-нибудь корыте.

На стирку уходила большая часть дня. В середине века на помощь советским домохозяйкам ворвались полумеханические стиральные машинки, и жизнь стала значительно легче. Выжимать, правда, приходилось либо вручную, либо с помощью специальных нехитрых приспособлений.

После стирки дружно шли в баню. Это была целая традиция. Тазики, веники из дуба, березы или пихты, хозяйственное мыло, мочалка, шапочки и полотенце – традиционный набор банщика.

Маше не нравилось ходить в баню. Она плохо переносила жару, а десятки дряблых голых волосатых женских тел действовали ей на нервы и психику. А еще мужчины из соседней кабины все норовили подглядеть – они голышом выбегали на улицу и обтирались снегом или купались в реке. А потом подсматривали в какую-нибудь щелочку и пугали женщин. Те визжали, ругались и смеялись.

Потом женщины и мужчины в специальных отдельных комнатах пили травяной чай или натуральное пиво, надев халаты и раскрасневшись. Они вели беседы о своем и просто отдыхали.

Потом все выходили чистые и обновленные и шли домой.

В другие дни «купились» дома – грели воду в чайниках, кастрюлях или ведрах и мылись в тазиках. К слову, купились так, как современные горожане «выживают» в неделю отключения горячей воды. Зато женщины могли делать разные маски для волос или ополаскивать их с помощью яичного желтка или отваров трав. Волосы после этого были такими здоровыми, шелковистыми и блестящими.

Глава 3

Платье в ромашку

Вечерами Маша слушала радио, по которому шла детская передача. Там читали стихи, рассказы детей и известных писателей. Сказку про Буратино, озвученную различными головами, слушали с удовольствием и взрослые. Под тусклый свет керосиновой лампы девочка доставала коробку со своими бумажными куклами, вырезанными из журнала «Крестьянка». Девочка с упоением одевала куклу Наташку или Аленку в белых кальсонах в разные наряды. Она представляла, что когда вырастет, будет модничать, делать красивые причёски, ходить на танцы, в кино. Она будет делать все, что захочет. Как же здорово быть взрослой!

Детство пролетело. Время текло, как песок сквозь пальцы. Зима, весна, лето, осень. И так по кругу. День за днем и час за часом времена года сменяли друг друга в беспощадном соревновании, в котором не было победителей, но проигрывала жизнь.

Двенадцатилетие для Маши ознаменовалось несколькими серьёзными событиями. Сначала случилось первое горе: ее мама начала толстеть, быстро уставать и много кушать. Девушка всерьез обеспокоилась ее здоровьем, Но, родился он: вечно кричащий, отобравший все внимание родителей на себя, которого Маше и так не хватало. Отчасти девушка и радовалась родившемуся братику, ведь ещё смутно помнила, как тосковала в детстве после смерти сестренки. Но где-то глубоко внутри она чувствовала, что Гриша станет высокой стеной между ее детством и родительской любовью. И что они, родные брат и сестра, никогда не будут близки.

Потом произошло второе несчастье. В одно обыкновенное утро мечта Маши стать взрослой неожиданно исполнилась, правда совсем не так, как она себе представляла: проснувшись, она почувствовала боль в животе и чуть ниже. Что-то тянуло и словно немного резало. Было неприятно ходить, хотелось много кушать и спать. «Чем я заболела?» – думала девочка, не подозревая, что ей предстоит стать девушкой. Она не знала об этом абсолютно ничего. Поэтому, когда через несколько часов увидела на своем нижнем белье капельки крови, заплакала и посчитала, что неизлечимо больна. В это время все внимание мамы было приковано к ее недавно родившемуся младшему брату и хозяйству, поэтому девочка и слова не сказала ей. «Если умру, им хоть не так грустно будет. Меня Гриша заменит», – ночью, сдерживая слезы, горестно рассуждала она. Девочка не понимала, какой драгоценностью они с братом были для родителей, даже несмотря на послевоенные трудности. Она думала о себе и о том, как несчастна. Хотя и болезни-то у нее никакой не было, обычные ежемесячные женские дела. Об этом она потом выведала у подружки Зины, которая была более продвинутой в этих делах, благодаря близкому общению со старшими сестрами. От той же Зины, только намного позже, она еще и узнала, откуда и после чего берутся дети. И после этого долгое время с брезгливостью и презрением смотрела на младшего брата.

Свое открытие в теле девушка прятала от матери долгие годы, втихая стирая ненавистные тряпочки и развешивая в чулане в укромном месте.

– Маш, мне нужно кое о чем с тобой поговорить, – в один день, смущаясь и краснея, заговорила мать, не зная, с чего начать. Дочь внимательно и серьезно посмотрела на нее, из-за чего та смутилась еще больше. – Это давно нужно было сделать... В общем, когда девочка взрослеет, у нее начинаются, – запинаясь, начала она.

– Ага, – серьезно подтвердила девушка.

– Ты все знаешь? – с удивлением и облегчением спросила мать, вытирая предательские капли пота со лба, выступившие от волнения.

– Ага, – немного улыбнувшись, подтвердила та.

– И давно у тебя начались? – спросила мать, и повисла неловкая пауза.

– В тринадцать, – последовал ответ с некоторой обидой и негодованием.

Конечно, мать опаздала всего на каких-то два года. И что все это время Маша должна была делать? Жить в негодовании, думая, что смертельно больна? Так и действительно можно себя извести до смерти.

– И откуда дети появляются, тоже знаешь? – красная, как помидор, уточнила женщина.

– В общих чертах, да. Мне Зина все рассказала. А ей старшая сестра... – дипломатически аккуратно ответила та.

– А, ну хорошо! – выдохнула мать. – Прости, я должна была об этой теме с тобой раньше поговорить, понимаю... – раскаялась женщина с влажными глазами. – Но я надеялась, что в случае чего ты обратишься ко мне, и я подскажу, а ты оказалась такая самостоятельная...

– Ничего страшного, все нормально! – мягко ответила Маша, проглатывая комочек обиды и убеждая себя в истинности своих слов.

– Если будут какие-то вопросы, ты это... Спрашивай, не стесняйся, – сама смущенно проговорила женщина.

– Хорошо, – ровно ответила дочь, показывая, хоть и мягко, что разговор закрыт.

Так и не начавшись, закончился такой важный разговор между матерью и дочкой. Оборвавший цепочку близости, доверия, взаимопонимания. И, быть может, стал поводом дальнейших проблем в отношениях между матерью и ребенком даже в следующих поколениях.

...

Все свободное время летом Маша проводила на речке. Только справится с обязанностями по дому – и бегом. Вот и в этот раз она собиралась туда. Взяв с собой вещевую сумку с полотенцем и самодельным купальником, заплетя длинную и густую косу, уже собиралась убежать, как ее окликнула мама:

– Возьми с собой братика, пусть рядом немного на песочке посидит!

– Ну мам! – захныкала девушка, надув губы. – Мне то ли купаться, то ли за ним следить!

– Не мамкай! Мне некогда с ним возиться, столько дел! – вдыхая, серьезно посмотрела Нина на дочь.

– Зачем тогда рожали, если нет времени следить? – возмущенно прошептала Маша, потом покраснела и побледнела.

У Нины из рук выпала тарелка и, звонко щелкнув, разлетелась осколками во все стороны.

– Ты как с матерью разговариваешь? – покраснела мать и со слезами на глазах изо всех сил огрела девушку сырым полотенцем, попав по плечу, шее и щеке. Получив звонкую пощечину, Маша вздрогнула.

– Прости, я не хотела... – прошептала она, взяла в одну руку плачущего маленького братика, который наблюдал всю эту картину, в другую руку сумку и выбежала из дома, дрожа и плача.

Другие разы девушка прибегала к хитрости, чтобы не брать с собой Гришу, который постоянно ныл и мешался. Тайком она била ему по попе, чтобы он заплакал, и говорила, что братик не хочет с ней идти. Мама в ответ устало вздыхала, а Маша благополучно убегала.

Молодая ветреная эгоистичная голубка. Она просто хотела свободы и самостоятельности. Конечно, можно осуждать слабость других, но все мы не без греха. Да ведь между детьми действительно была огромная разница в возрасте, целых двенадцать лет, из-за чего им было трудно подружиться и найти общий язык.

«А мне, признаться, милее танцы, милее звуки смеха друзей. Я не красавица, но многим нравится, что я беспечной всех и веселей», – эта песня была Машиной любимой и, по сути, характеризовала ее внутренний мир в период молодости.

...

В комнате родителей стояла небольшая железная кровать, на которой лежали взбитые белые подушки, а рядом стояла балалайка, на которой любил играть Николай в хорошем настроении. Стену около кровати украшал голубовато-серый ковер с оленем, который был, наверное, почти во всех советских жилищах. По всему дому на полах были разноцветные узкие коврики.

Николай работал сначала токарем, затем заведующим колхоза. Нина была по хозяйству и следила за детьми, но при этом тоже приносила хорошие деньги в семью. Все, чем она ни занималась, особенно на продажу, она делала идеально: продавала коровье молоко, которое было самым свежим, вкусным, с густыми сверху сливками. Корова семьи Петровых, как уже упоминалось, была самой холеной в селе. Летом и осенью Нина промышляла продажей ягод и грибов, у нее были свои ягодные места и грибные копки – уходя от рассвета и возвращаясь к обеду с богатым урожаем, аккуратно перебирала и спешила в город, чтобы продать. У нее была самая крупная отборная земляника, лучшие грузди и первого сорта белые грибы. Конечно, у нее имелись и свои постоянные клиенты, которые уважали честность, порядочность и ответственность женщины. Маленькие, кривенькие, немного червивенькие грибы Нина оставляла дома: какие-то она солила в больших катках на зиму, белые же целиком отправляла на чердак с сеном – сушиться. Дети, а потом и внуки, постоянно лазили их переворачивать. Забираешься по надежной деревянной лестнице, отворяешь маленькую дверцу и словно попадаешь в другой, особый, мир: мягкое ароматное сено, засушенное с луговыми цветами, а среди них душистые грибочки, которые настолько заманчиво выглядят, что хочется их съесть, словно конфету. Потом эти грибы Нина перекручивала в мясорубке и делала ароматнейшую приправу, с которой готовила свою фирменную подливку и супы.

Еще на зиму в этом доме засаливались в больших деревянных бочках: огурцы и помидоры, мясо, окуни, вышеупомянутые грибы, и «замачивались» яблоки-антоновка. Все было свое, кроме окуней, но и их покупали у кого-то по-знакомству. Возможно, именно эта традиционная русская запасливость помогла людям пережить войну. А может быть, она и появилась из-за войн, когда люди голодали и понимали, что нельзя жить одним днем.

Зимой Нина тоже не сидела без дела. Она валяла валенки из овечьей шерсти, вручную, и это был очень тяжелый труд. У нее были специальные формы для каждого размера, и производила валенки двух цветов – черные и белые, крашеные. Нина «обула» в свои валенки пол села и города, а потом ездила в Москву и продавала их там: в столице скупали их с большим удовольствием. Из Москвы Нина привозила много продуктов, которых в Тамбове не было даже за хорошие деньги.

Также Нина с Машей раз в месяц ездили в город на рынок. Покупали все по списку: мясо, крупы, что-то из одежды. Ездили на целый день, наматывая по шумному толкающемуся рынку целый день. Мать умела и любила торговаться: иногда получалось снизить стоимость товара почти в половину. Маша этого немного стеснялась: она любила показать себя с лучшей стороны, что у них есть возможность купить что-то дорогое.

На оставшуюся сумму они, груженные несколькими тяжеленными сумками в каждой в руке, заходили пообедать в столовую. Нина очень любила заходить в центральную, где обедали все рабочие с рынка: и вкусно, и дешево, и чистенько, аккуратно так все сделано: в темно-бордовых цветах, на стенах висят советские лозунги и плакаты, призывающие любить родину, чтить старших, защищать младших, быть честным. В центре огромная линия с едой: тут тебе и всевозможные первые блюда, и вторые, и мясо, и рыба, а слева, в стеклянном вращающемся шкафчике, симпатичные тортики, украшенные шоколадом или ягодами. За небольшие деньги можно себе взять всего по чуть-чуть и наестся досыта. Фирменными блюдами здесь были:

густой борщ, где мяса больше, чем овощей, огромные свиные пельмени, которые подавали с уксусом и сливочным маслом, и сочные котлеты по-киевски с жирным бульоном, зеленью и сыром. М-м-м, просто вкуснятина. Почти все столы были заняты, и пока мама стояла в огромной очереди, Маша поджидала, когда какой-нибудь освободится. Когда это случилось, она неслась пулей, маневрируя между столами и стульями. И занимала лучшее место, предпочтительнее, около окошка, чтобы, пока пьешь чай и ешь пирожное, наблюдать за людьми, которые снуют туда-сюда по делам. Переведя дух, они отправлялись на вокзал и ждали свой автобус, который ходил раз в полтора часа. Они, конечно, рассчитывали время, чтобы прийти первыми, но недолго ждать приезда.

Дома мать раскладывала сумки, перебирала покупки и подсчитывала деньги.

«Странно, вроде купили не так уже и много, а столько денег потратили... Так, это стоит столько, это столько...», – и Нина быстро складывала в уме большие числа и никогда не ошибалась. Маша удивлялась и восхищалась. Мать всегда ее поучала:

– Деньги любят счет. Нужно их всегда считать, до копеечки. Куда ты то, куда другое потратила. Тогда будешь экономнее жить, правильно все распределять... И никогда не будешь в нужде и в долгах!

Маша мотала на ус. Но это у нее было заложено уже природой. И позже она уже одна ездила в город, покупала все подешевле, высчитывала, складывала и привозила домой огромные тяжеленные сумки.

...

1955 год

Вечерами Нина рукодельничала за грубым дубовым кухонным столом на кухне. Ей было тепло, как в бане, из-за сильно натопленной белой печки. Обычно Маша сидела неподалеку, отдыхая от всех домашних дел, разглядывая милые штучки на кухне. Там стояли и голубенькие тарелочки с птичками в деревянном комоде с застекленными полочками, и бутылочки, баночки разных цветов, размеров, причудливых форм, в которых раньше могло храниться что угодно: духи, крем, пудра. Эту необычную коллекцию ее мама аккуратно расставила на подоконнике и постоянно пополняла. Но в последнее время девочка не отвлекалась от ловких рук матери ни на минуту, ведь та вязала грубым железным крючком тончайшие узоры алых роз на кремовом фоне. Эти прекрасные полотна украсят окно в спальне взрослых и даже составят серьезную конкуренцию серому ковру над кроватью, на котором красуется олень с ветвистыми рогами.

– Мам, а можно я тоже попробую вязать? У тебя так здорово это получается! – дочка восхищенно улыбнулась, показывая ямочки-месяцы на щеках.

Женщина впервые за многие годы видела свою дочь такой милой и ласковой. Интересно, что это с ней произошло? Она же раньше совсем не интересовалась рукоделием.

– Ну попробуй, – улыбаясь, ответила женщина, протягивая грубыми ладонями запасной крючок из железной коробки. – Вот тебе пряжа, для тренировки, – показала она на серый некрасивый клубок. – Маша недовольно поморщилась, глядя на красивую пряжу, но промолчала. – Вот, бери пряжу вот так, клади петельку на палец, продевай сюда крючок, вытаскивай – вот и первая петелька! Затяни ее потуже, это основание твоего изделия. А дальше вяжешь вот такие воздушные петельки, получается цепочка! От нее зависит длина того, что ты будешь вязать. Что ты хочешь?

– Варежки! – мечтательно произнесла девушка.

– Ну, варежки для первого раза очень трудно! – девушка разочарованно нахмурилась от таких вестей. – Давай попробуем шарф, для Гриши?

– Для Гриши?! – плохо скрывая ревность, воскликнула дочь.

– Я уверена, что ты сможешь связать ему самый очаровательный шарф! Все в садике будут завидовать!

– А для Васи можно? – после долгой паузы, смущаясь, спросила Маша. – У него скоро день рождения просто...

– Отличная идея, – просияла женщина. – Я уверена, что это будет самый приятный для него подарок на свете! – она радовалась откровению дочери. И удивлялась тому, какая Маша стала взрослой. Пятнадцать лет уже почти... Первая влюбленность – как это мило.

– Почему?

– Потому, что подарок, сделанный своими руками, с любовью – самый дорогой!

– А-а... – задумчиво ответила девочка. – Ну я постараюсь!

И она трудолюбиво вязала шарф всеми зимними долгими вечерами, исколов себе все нежные пальцы и натерев на них мозоли. В школе это заметил Вася, не подозревающий своей вины, и удивленно спросил:

– Что у тебя с руками, Маш?

– Что? Все в порядке! – пряча руки под черный школьный фартук, невозмутимо ответила та.

– Точно? – переживал друг.

– Конечно! – нетерпеливо ответила девушка, удивленно подняв широкие темные брови.

На перемене они ходили за школу кататься с горки. Брли портфель, сдлсь н нго и ух – вниз по прокатанной до льда дорожке. Но съехав пару раз с горки, Маша неожиданно заметила, что Васи рядом нет, он удаллся куда-то с пацанами. Она встала на горке и зорко высматривала друга по сторонам, как орел свою добычу, а потом услышала Васин смех из мальчишеского уличного туалета и оттуда заметила сигаретный дым:

– Ну ты у меня получишь! – прошипела она, заправляя выбившуюся прядь под шерстяной платок.

Когда довольный друг подошел к ней, пряча руки в карманы, она холодно посмотрела на него и, резко отвернувшись, села на портфель и уехала вниз с горы. Ее подкинуло на горке, она больно ударилась копчиком, взвизгнула и улетила в сторону, кубарем. Она лежала в сугробе, вся в снегу, и думала только об одном: «Только не плакать, только не плакать! Мне не больно! Этого никто не должен увидеть!» И когда ей удалось совладать с эмоциями она, покрасневшая от мороза, встала и начала отряхиваться. К ней уже подбежал Вася в расстегнутой телогрейке, из под которой виднелся старый шерстяной серый свитер, и испуганно спросил:

– Сильно ушиблась?!

– Не твое дело! – резко ответила Маша, взяла портфель и быстрыми шагами ушла в школу.

Парень удивленно примерз к месту с популярным мужским вопросом на лице: «Что я сделал не так?!»

Несколько уроков они не разговаривали: Маша, возмущенно дыша, сидела на самом краю общей лавочки, а Вася прокручивал в уме все свои слова за последние несколько дней.

– Маша, если я тебя чем-то я обидел, то я не хотел, ты же знаешь! – посмотрел он на нее голубыми глазами, выражающими мольбу и раскаяние.

– Ну еще бы! – только и ответила холодно она.

Тот разозлился, захлопнул книгу, потом глубоко вздохнул, медленно выдохнул и монотонно спросил:

– Что я сделал не так?

– Ты о чем? – равнодушно ответила она, делая вид, что читает книгу.

– Ну ты же на меня обиделась! Я и спрашиваю, за что?! Что я сделал не так?

– А ты сам подумай, – произнесла она фразу, которую, казалось, передают все женщины своим дочерям, словно по наследству, уже сотни лет.

– Да я уже всю голову сломал! – нетерпеливо выпалил тот, тряхнув большой головой с пышными русыми волосами.

– Ну хорошо, – властно произнесла Маша, холодно перевела взгляд на него и выдержала мучительную паузу. – Я знаю, что ты куришь! – парень удивленно и громко выдохнул, замерев на месте. – А я терпеть не могу тех, кто курит! Это так глупо и противно... – обдала она его холодным взглядом и снова невозмутимо приступила к чтению.

– Ладно, я больше не буду... – произнес он, опустив глаза, как провинившийся ребенок.

– Правда? – она посмотрела уже более добрым, но все еще строгим взглядом.

– Да! – ответил он, довольный тем, что подруга с ним заговорила. – Просто все пацаны надо мной смеются, говорят, что я девчонка, раз не курю!

– Что?! Какая глупость! Детский лепет! – возмущенно воскликнула Маша на весь класс. Тут, по закону подлости, шум неожиданно стих, и на них с удивлением и любопытством повернулись все. – Да плевать я на них хотела! – также громко произнесла она и окинула равнодушным взглядом непрощенных слушателей. – А если ты хочешь со мной дружить, то тоже плюнь на них! – подытожила она.

– Ладно, – усмехнулся он.

Соученики отвернулись и начали перешептываться и смеяться.

Приходя домой со школы, Маша сразу бежала вязать. Она уже заканчивала свой будущий подарок Васе. В это время Нина уже довязала шторы и принялась за шитье. Она достала темные простые ткани, какие только удалось достать, разложила на кухонном чистом столе, взяла журнал «Крестьянка», достала оттуда какую-то бумажную выкройку, приложила к ткани, приколола булавками, аккуратно и терпеливо, обвела кусочком мыла, убрала выкройку и огромными железными ножницами начала вырезать по краю.

– А что это будет, мам? – завороченно наблюдая за трудолюбивыми руками, спросила Маша.

– Вот, хочу платье себе сшить, – довольно ответила женщина, вытирая капельки пота со лба, на который выбились маленькие волосинки в протест серой туго повязанной косынке.

По радио играл какой-то концерт.

– Скоро же у вашего папы день рождения, хочу быть красивой, – она мечтательно поглядела на невзрачную грубую ткань темно-синего цвета. – А то я как бабка стала одеваться... Мне даже и одеться прилично некуда, перед коровами, что ли, модничать? – с глубокой скрытой печалью произнесла она.

– А я слышала, что скоро новый фильм к нам привезут. Как раз 8 февраля. Хоть и военный, но можете сходить вместе! – чувствуя мамину печаль, старалась поддержать ее девушка.

– Что же я, все хозяйство на тебя повешу? Ты и так с детства погрязла в хозяйских делах... – грустно, но с каплей надежды произнесла Нина.

– Ничего, не развалюсь! А ты, мам, хоть вечерок отдохнешь! – с гордостью произнесла дочь, восхищаясь своей гениальной идеей.

– Ну хорошо, спасибо тебе большое! – просияла женщина и еще более радостно занялась своим платьем. Она чувствовала себя Золушкой, которую фея крестная отпускает в шикарном платье на бал. Но у нее времени только до двенадцати, а потом... Карета опять превратится в тыкву. А в ее случае в корову и поросят.

Закончив с выкройкой, Нина достала из деревянного комода тяжеленный деревянный футляр, поставила его на стол, открыла ключиком, который висел на веревочке, сняла крышку и полюбовалась черной ручной швейной машинкой. Потом заправила в нее нитки и начала шить, одной рукой управляя тканью, а другой, правой, крутя ручку машинки. Комната наполнилась бодрым цокающим звуком, словно мимо туда-сюда по брусчатке стала скакать маленькая лошадь.

– А сошьешь, пожалуйста, и мне потом платье, на танцы? Я в магазине видела такую красивую ткань, синюю, в ромашку... – пользуясь выгодным положением, промурлыкала за спиной матери Маша.

– Хорошо... – согласилась женщина, – выбирай тогда выкройку.

– Спасибо! – подскочила радостно девушка и побежала к журналу.

Открыв тяжелый красочный журнал из плотной бумаги, она сверкающими глазами рассматривала дизайны разных платьев. Взгляд ее упал на приталенное платье с расклешенной юбкой, а вырез треугольный. Как оно будет отлично на ней сидеть, все девчонки обзавидуются, а парни только на нее и будут смотреть. И тогда, на празднике, она подарит Васе свой шарф, перевязанный ленточкой. А может быть, и согласится целый вечер только с ним танцевать, в честь праздника...

Так она и поступила. Раздобыла красивую ленточку, надела новое платье в ромашку, которое, действительно, сидело на ней идеально. Сделала себе прическу из закрученных в колбаску волос, заколов их на макушке, и побрызгалась мамиными духами «Ландыш серебристый», улыбаясь себе в небольшом квадратном зеркале. Надела свою зимнюю толстую куртку, злясь, что она такая страшная и бесформенная, обула белые валенки, на которых были вышиты алые грозди рябины (мама сделала ей такие по просьбе) и, не надев платок на голову, чтобы не повредить прическу, взяла подарок, свои туфли и выбежала из дома.

– Эт ты куда без головного убора, дорогуша?! – крикнула ей вслед мать, злобно размахивая Машиным белым шерстяным платком.

– Ну я причееску испорчу! – закричала в ответ та, переминаясь с ноги на ногу

– А ну быстро надела!

– Ну ма-а-а-ам! – хныкая, Маша вернулась по ледяному ветру на веранду, про себя соглашаясь, что уши у нее уже замерзли и, кажется, вот-вот отвалятся.

Раздеваясь в клубе, она отдала свою одежду и обувь в гардеробную, поправила прическу, глядя в большое зеркало. На душе у нее было радостно и волнительно. Ладошки, теребя в руках серый колючий шарф, предательски потели. Взяв себя в руки, девушка спокойно прошла в зал, где задорно играл твист. Ребята танцевали, смеялись и улыбались. Она искала своего друга в толпе, но он ее нашел раньше: неожиданно подошел к ней сзади и ущипнул с двух сторон за бока. Маша дернулась и резко обернулась. Он смотрел на нее, тепло улыбаясь, и их взгляды на мгновение неловко встретились.

«Он стал таким взрослым, уже настоящий мужчина...», – удивленно подумала девушка и произнесла:

– Если бы у тебя сегодня не было праздника, я бы с тобой поругалась! – она сделала недовольное лицо, а потом засмеялась.

Тот оголил свои большие, неровные, немного желтоватые зубы из-под пухлых обветренных губ.

– То есть мне сегодня можно немного больше, чем обычно? – он засмеялся, но глаза смотрели пытливо. От этого у Маши по спине пробежали странные мурашки.

– Ты про что? – максимально спокойно спросила она.

– Ну... Я могу тебя пригласить на танец? – смущаясь, спросил он.

– Нет! – хитро улыбаясь, ответила девушка. Улыбка на лице парня потухла. – Вначале ты должен получить свой подарок! – объяснила Маша, держа за спиной свое творение.

– О-о! – выдохнул Вася и снова смутился.

– Пошли на свет, а то тут не увидишь ничего! – и девушка повела его в прихожую. Там, около гардеробной, в углу, она протянула ему шарф с довольной и гордой улыбкой. – Помнишь, ты спрашивал, что у меня с руками? Вот! – показала она на серую вещь, которую рассматривал Вася. Он аккуратно развязал ленточку, положил ее на выступ стены и повесил шарф себе на свой любимый, уже потрепанный серый свитер.

– Какая прелесть! – искренне произнес он. – Неужели ты его сама связала для меня? – не верил своему счастью парень.

– Да, я училась вязать... Это мое первое произведение искусства! – довольно ответила Маша.

– У меня нет слов, как приятно! – хлопал глазами Вася, пытаясь успокоиться, и неуклюже обнял подругу. Та оказалась ему по плечо.

– Мама предложила Грише связать... Но пусть сама вяжет, ему и так много внимания, – девушка аккуратно отстранилась от теплых медвежьих объятий друга, пытаясь перевести тему.

– А что это ты вы тут делаете? – подбежал какой-то Васин друг, и тот на него шикнул. – Давайте я вас сфотографирую, не шикайте мне тут! Я вообще-то сегодня школьный спецкор! – гордо надув грудь, объяснил тот. – Сейчас вылетит птичка! – Вася обнял Машу за талию и нежно посмотрел на нее сверху вниз. Та сложила руки на груди, гордо приподняла голову и, деловито улыбнувшись, посмотрела в камеру...

В этот вечер они танцевали вместе первый и последний раз. Но этот милый момент никак не повлиял на отношения парня и девушки. Маша смотрела на Васю, хоть и довольно симпатичного, высокого голубоглазого блондина, как на друга, а тот боялся сделать какой-то решительный шаг из-за страха оттолкнуть ее и потерять доверие. Так и продолжалось неловкое стеснение и отдаление. За это время Маша еще сильнее сблизилась с подружкой Зиной и положила

глаз на самого популярного мальчика в школе – он был отличником, спортсменом, комсомолом, а еще красивым, высоким, кареглазым. У него уже росла борода и усы, и ему приходилось каждый день бриться, оставляя на узком соколином лице черную щетину. Его звали Слава, и это имя очень подходило ему, выражало натуру. И он, конечно же, был тем единственным парнем, который никакого внимания не обращал на Машу.

Девочка, обычно скрытная, поделилась с единственной подругой Зиной своей симпатией, и та ей посочувствовала. Надо сказать, что Зина сама была красавицей: маленькой, хрупенькой, с детским лицом-сердечком со вздернутым носиком, большими лазурными глазами и красными губами-вишенками. А ее кудрявые белокурые волосы забавно топорщились, из-за этого она казалась похожей на одуванчик. Девочки близко общались вот уже больше пяти лет, пока не настал момент, который сделал огромную трещину в корабле дружбы, а потом и вовсе его потопил. Занятия по танцам заканчивались поздно вечером, и Вася встречал их у клуба, чтобы проводить домой. Однажды, после занятий, пока друг еще не подошел, Зина выпалила, стоя в полутьме около входа:

– А все-таки Вася хороший. Он за тобой с первого класса ухаживает, всегда помогает и везде провожает...

– Да, Васька очень хороший, – искренне согласилась Маша.

– И симпатичный такой стал... – продолжила подруга.

– Да, правда... – ответила Маша задумчиво, а потом остановилась и серьезно посмотрела на подругу. Что-то внутри нее перевернулось, упало. Ревность ли это? – Ты влюбилась, что ли? – усмехнулась она, но взгляд оставался серьезным... Зина тоже остановилась и, смущенно немного помолчав, невнятно ответила:

– Нет... Я просто говорю то, что вижу.

– Что-то ты часто в последнее время стала это видеть. Но ты не переживай, я не ревную, ты же знаешь, что мне нравится другой человек.

– В том то и дело! А ты прекрасно знаешь, что Васька в тебя влюблен с первого класса, но ты это словно не замечаешь и... используешь его! – протараторила и осеклась. Она сболтнула явно лишнего. В это время к ним в темноте подошел Вася. Зина его заметила, а Маша нет.

– Что ты несешь! Мы же с Васей просто друзья! И я никогда его ни о чем не просила!

– Конечно... Но не против, что он тебя везде встречает и провожает, помогает донести портфель, защищает от всех, бегают, как собачонка... а нет, как друг! Не отвергаешь его, а сама мечтаешь о другом!

Маша была ошарашена словами подруги. Она наполнила легкие воздухом, словно собиралась сдуть противника с ног, но потом резко выдохнула и грубо ответила:

– Ах вот оно как?! Завидуешь?! Да забирай, он мне не нужен!

Зина что-то хотела ответить, но тут Вася резко и неестественно весело почти прокричал сзади:

– Эй, девочки, не ссорьтесь! – Интересно, что он слышал? Может быть, все?

– Да мы уже все решили, – холодно произнесла Маша, косясь на Зину. – Пока, подруга!

– Пока, – прохрипела та в ответ. Вася тоже попрощался с девочкой и пошел догонять Машу, которая быстрыми шагами уходила от клуба.

Внутри у нее все кипело от ярости, хотя она не могла понять, отчего так взвилась. Друг пытался завести с ней разговор и узнать, что между ними произошло, но Маша только отвечала, что ничего. Проводив ее до дома, Вася немного постоял рядом, словно что-то хотел сказать, потом несколько раз уточнил, все ли в порядке, но каждый раз получал ответ, что все в полном порядке. Тогда он попрощался и нерешительно пошел домой, то и дело оборачиваясь. Маша стояла как вкопанная около крыльца дома в полутьме и смотрела вниз. Вася и подумать не мог, что она плачет.

Девушка и сама не могла поверить в это, но слезы катились у нее по щекам, шее и падали на грудь, внутри которой пылал огонь. Ревность ли это? Или, может, любовь? Она так запуталась. Почему же так больно? Маша села на порог, давась в немой истерике. Был теплый летний вечер, озаряемый огромной луной. Вокруг ни души – только сверчки в саду и лягушки на пруду закатывали свои длинные клокочущие тирады. В этот вечер Маша четко поняла, что Вася – ее самый близкий друг и она не может его потерять. Он ей очень нужен. Но было уже поздно.

На следующий день на первой перемене Маша случайно заметила, что Зина о чем-то рассказывает Васе, а тот расстроено ее слушает. Весь день во время уроков Вася был молчалив и холоден, а на переменах не обращал на соседку по парте никакого внимания, куда-то исчезая с пацанами. После школы Вася не стал провожать Машу, а пошел куда-то опять с друзьями. Маша ушла домой, но сама то выйдет на порог потрясти ковер, то около окна сядет книгу почитать, то выйдет прогуляться. Весь вечер ждала, когда же он пройдет мимо ее дома и она с ним поговорит. Но появился он только поздно вечером. Маша увидела его белобрысую растрепанную голову в полутьме, когда Вася только отходил от клуба, и вышла к нему на встречу. Тот шел и сильно качался из стороны в сторону. Девушка сначала подумала, что у нее рябит в глазах от долгого ожидания, но когда друг приблизился, то ее страшные предположения подтвердились – от него ужасно пахло перегаром.

– А, Маруся... – нежно прохрипел он и остановился перед подругой.

– Вася... – пролепетала та. Она никогда не видела его в таком состоянии, он никогда до этого не пил.

– Эх, Машка... – простонал тот.

– Вась, я тебе вчера кое-что хотела сказать, но не смогла...

– Да не нужно мне ничего говорить! – проревел он. – Я все прекрасно знаю! Слышал вчера твои слова! Могла бы сообщить об этом раньше!

– Что?! Но, Вась, это совсем не так... Ты не так понял... Я вчера погорячилась, это не так! Она меня вывела! Или она тебе что-то еще наврала? – лепетала Маша. – Все совсем наоборот...

– А я тебя, Машка, любил! С самого первого дня, как увидел... Лет в восемь, когда играли вместе в лапту. Ты была такой милой крошкой... Я все время бегал за тобой, действительно, как собачонка! А сейчас ты вон какой красавицей стала, куда же мне до тебя! Славку любишь, а Васька и не нужен! Надеялся, что хотя бы как друга полюбишь, раз по-другому не выходит! А я тебе и так не нужен уже! – злобно выкрикивал он.

– Дурак, люблю я тебя! – злобно крикнула та в ответ.

Вася замер и в момент протрезвел. Оба удивились этим словам.

– Нельзя так шутить... Все, хватит, – резко произнес он, развернулся и ушел.

Маша хотела закричать, остановить, но не смогла. Не позволила гордость. С тех пор они не разговаривали. Вася начал ее избегать, курить и выпивать. Машу это сначала тревожило, потом раздражало, потом она все больше и больше чувствовала к нему отвращение. Так продолжалось полгода до зимы. На танцах в школе по случаю Нового года произошел второй удар по их отношениям, «коронный».

На медленных танцах Маша стояла в сторонке в своем любимом платье в ромашку, Вася у стенки напротив, и они недовольно то и дело переглядывались. Машу дважды приглашали на танец, но она отвечала, что не танцует. Но потом, на последний танец вечера, ее пригласил обожаемый еще каких-то полгода назад Слава. Она удивленно посмотрела на него, потом на Васю – тот сверлил ее взглядом – и согласилась. Назло. Она довольно заметила, как у друга округлились глаза и немного приоткрылся рот. Он стоял как вкопанный, не моргая, наверное, секунд двадцать, потом посмотрел себе под ноги, о чем-то размышляя. А потом резко дернулся и быстро подошел к Зине, которая тоже ни с кем не танцевала, и пригласил ее. Та, конечно, с радостной улыбкой и щенячьим блеском в глазах согласилась. Так Маша и Вася и танцевали, злобно исподтишка бросая взгляды друг на друга, вспоминая их прошлогодний совместный

вальс. Их партеры по танцам этого не заметили. После танцев Слава пошел провожать Машу, а Вася, с клокочущей внутри злостью, Зину.

На следующий день на уроках танцев Зина радостно поведала подруге:

– А Вася меня вчера поцеловал на прощание в щеку, представляешь! – ее глаза хитро светились, но Маша этого тогда не заметила. Внутри у нее была такая боль, что ей хотелось упасть и рыдать, но она даже не подала виду, гордо приподняв подбородок и прищулив глаза.

– Меня Слава тоже. И сказал, что я ему уже давно нравлюсь, просто стеснялся перед друзьями... Мы даже с ним идем в кино на выходных, – злобно врала она. Правда, в кино он ее действительно позвал, только она отказалась.

Зина ахнула и о чем-то задумалась. Через несколько недель на том же кружке танцев она счастливо поделилась с подругой, что у них с Васей, похоже, все серьезно.

– Поздравляю вас, вы хорошо смотрите вместе, – чересчур дружелюбно ответила Маша и отвернулась, пытаясь совладать с собой.

– Ты ведь не ревнуешь, правда? – Зина говорила мягко и осторожно. – Ты же наконец-то добила своего, дружишь с тем, кто тебе так долго нравился! – льстиво процедила она.

Маша хотела ответить, что Зина тоже дождалась своего, но не стала. Она не знала, какой ценой досталось подруге «счастье».

– Как у вас, кстати? Все хорошо?

– О да, он замечательный! – дрожащим голосом ответила Маша, не оборачиваясь. Она все думала над фразой «ты же наконец-то добила своего».

Да, отчасти, а может, и полностью, ее подруга права. Маша долго мечтала хотя бы поговорить со Славой, а тут он приглашает ее на всех танцах и постоянно зовет на свидание. Вот только она почему-то ему все время отказывает в личной встрече. Возможно, она слишком привыкла, сама того не подозревая, к Васе. Она не представляла, что кто-то сможет ее так же понимать и любить просто за то, что она есть. Раньше не ценила этого, как это всегда и бывает. А теперь он с ее лучшей подругой. Парень был зол на нее, но она чувствовала, что еще не безразлична ему. И возможно, союз с ее подругой – это попытка насолить. Только от этого было не легче.

Вечером Маша достала из тумбочки тетрадку с фотографией, где они всего полгода назад стояли с Васей. Он обнимал ее за талию и смущенно смотрел на нее сверху вниз, а она немного отстранилась от него и сложила руки на груди. Такая красивая и гордая в новом синем платье в ромашку стоит и с ухмылкой глядит в камеру. Маша долго разглядывала фотографию, а потом порвала ее пополам в том месте, где они обнимаются. Васину половину скомкала и выбросила в окно, а свою убрала обратно в комод, выключила свет в своей комнате, которую делила с младшим братом, и накрылась с головой одеялом. Ей хотелось плакать, бурлящие чувства пытались вырваться наружу, но самое страшное, что боль и обида продолжали разъедать ее изнутри, а Маша не обронила и слезинки. Тогда она поняла, что больше ни к чему и ни к кому не хочет привязываться. И никому не сможет доверять. Ведь терять – это так больно, словно оторвать кусочек сердца. Нужно жить по принципу: есть – хорошо, нет – ну и не надо. Ни на что не надеяться. Всегда ожидать худшего. И так во всем: с работой, учебой, дружбой, семьей. Она намеренно стала испепелять привязанность ко всем, и так до конца жизни. Ведь в любой момент она может потерять близких. А как она тогда будет жить? Нет, привязанность делает ее слабой, беззащитной. Но если ей некого и нечего терять – она становится неуязвимой. Ее никто не сломает и не напугает. И так проще жить. Надежно. Ты будешь в личном коконе, спрятавшись от самого сильного разрушающего страха. Правда, в этом коконе ты одинок и несчастен, ведь все радости сюда не доходят... Но это ты поймешь только под конец жизни... И вряд ли кому-то признаешься, особенно себе...

В это время Вася мрачно шел домой мимо. На улице уже стемнело. Он остановился перед окном Маши и заглянул в него, мечтая увидеть знакомый силуэт, но было темно и тихо. Стоял

долго, думая о том, где она и с кем. «Видимо, еще гуляет с ним», – с болью подумал он, плюнул в сторону и побрел к себе домой, вспоминая стишок, который учили в школе:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим.
Александр Сергеевич Пушкин*

...

1956 год

К Маше приехал погостить двоюродный брат Коля. Это событие ненадолго вывело девушку из тоски, и она на какое-то время забыла о своей несчастной любви. Коля с отличием закончил летное военное училище. Высокий, круглолицый, с густыми темными волосами и темно-кариими глазами. В общем, как все мужчины в роду Петровых. В него повлюблялись местные девчонки, но сердце двадцатилетнего юноши было занято: он и приехал в гости, чтобы объявить, что хочет жениться и переехать жить в Харьков, по распределению. С собой он привез подарки и фотографию невесты. Сама эта милая белокурая девушка приехать не смогла, но Коля передал, что она с удовольствием со всеми познакомится на свадьбе, которая намечена на ноябрь. До этого знаменательного события, которое подняло на уши всю семью, осталось всего три месяца!

Вся неделя, что провел Коля на бывшей родине (его родителей отправили в другой город по работе), прошла в суматохе. Коля, его отец Василий, его брат Николай, Нина и сама Маша ездили в город за обновками жениху. Все родственники собрали деньги и подарили Коле дорогой синий костюм из плотной шерсти и хорошие кожаные ботинки. Гости тоже начали готовить наряды. Маше купили черные туфли на широком каблуке с тоненькими кожаными ремешками и ситцевую ткань для нового платья, которая была цвета неба. Она, шестнадцатилетняя вертихвостка, уже предвкушала, как будет ходить по красивому незнакомому городу и собирать восторженные взгляды местных юношей... Но она гордо будет задирает голову и ни с кем не будет знакомиться! Ведь ее сердце занято...

Время свадьбы близилось, будоража жениха, невесту и всех гостей. В сборах и хлопотах пролетело лето и дождливый сентябрь. Все было уже готово, куплено и распланировано до минуты. Билеты в Киров, где будет свадьба, куплены, собирались чемоданы. И тут в конце октября Коля присылает письмо родственникам в Ивановку:

«Здравствуйте, дорогие дядя, тетя и Машенька! К сожалению, мы с Настенькой вынуждены перенести нашу долгожданную свадьбу... Точную дату сказать пока что не смогу, но как будет известно, сразу сообщу!

Дело в том, что меня отправляют в командировку в Венгрию. Надеюсь, ненадолго. Но за меня не беспокойтесь, все будет хорошо.

Пожалуйста, позаботьтесь о родителях, они такие впечатлительные.

Прошу прощения за причиненные неудобства и за все благодарю!

Ваш Коля!

23 октября 1956 год».

Конечно, его мама не смогла не переживать. Ее материнское сердце чувствовало приближение беды. Власти скрывали, что в соседних странах-союзниках давно нарастает напряжение против коммунистического режима. Никто даже поверить не мог, что там творилось на самом деле. В Венгрии началось восстание, переросшее в гражданскую войну. На подавление этого восстания отправили сотни, если не тысячи советских военных. Большинство из них там погибли, оставив своих родителей безутешными. Ради чего? И только когда ситуация совсем вышла из-под контроля, Хрущев все признал. Туда направили танки, войска... Но скольких там поубивало, молодых мальчишек совсем...

Самолет, который пилотировал Коля, сбили. Рухнув в лес, юноша пролежал без сознания под обломками своего боевого товарища около суток в холоде и сырости. Его нашла советская пехота, когда главное сражение уже закончилось. Достав безжизненное окровавленное тело, сослуживцы искренне не могли поверить, что оно еще дышит.

Коля оказался в госпитале в очень тяжелом состоянии. За его жизнь долго боролись. Постепенно он стал приходить в себя. Но его жизни угрожала гангрена, которая уже завладела ногой и прогрессировала дальше. Врачи настаивали на ампутации, но больной напрочь отказался. «Вы что, у меня свадьба на носу. Кому же нужен одноногий жених!» – уверенно отвечал он и уверял, что все будет хорошо. Написал родителям письмо:

«Дорогие отец и матушка, передаю вам свой привет из Венгрии! Не волнуйтесь за меня и простите, если долго не отвечал на письма. У меня все в порядке. Я в госпитале, получил небольшое ранение. Сражение было тяжелым, но я уже совсем скоро буду здоров! Не волнуйтесь за меня! Я вас очень люблю! И передавайте мой горячий привет Настеньке и родственникам!

Надеюсь, скоро все закончится, и я приеду к вам! Поверьте, я буду самым счастливым человеком на земле!

Искренне ваш, сын Коля.

14 ноября 1956 год».

К нему сразу же вылетели родители. Они спешили как могли, но увидев Колю, уже его не узнали. Теперь операцию делать было бессмысленно. Через несколько мучительных дней он умер. Ему было всего двадцать лет.

В Ивановке известие о смерти, как только вошло в дом Петровых, заполнило его от стен до потолка молчаливой тоской. Николай каждые полчаса выбегал во двор в одном свитере. Там он дрожащими руками доставал спички, и, долго чиркая, зажигал терпкую самокрутку. До этого он никогда не курил, поэтому сейчас он тяжело кашлял от дыма и горя. Нина около кухонного стола бодро и четко, как хорошо натренированный солдат, нарезала овощи для будущих щей. Маша мыла полы. Все пытались заниматься своими обычными делами, отвлекаясь от мыслей, которые от безделья их бы поглотили. Маша подняла глаза на маму, внимательно взглянула на ее лицо, растерянное и жалостливое. У нее то и дело на глазах появлялись слезы, которые она тут же утирала замызганным кухонным полотенцем.

«Как он мог погибнуть, и за что?! – вертелось в уме у девушки. – Как это возможно, чтобы его вдруг не стало? Она вспомнила счастливое лицо Коли, когда он выбирал себе костюм, как любовался им, боялся помять и ежеминутно напоминал родным о том, что главное, чтобы этот костюм непременно понравился его невесте. Маша не могла это принять, не могла свести его лицо с понятием о смерти. Она вышла из дома, машинально, как будто ничего другого при этом было нельзя придумать. Прошла мимо курящего отца, боясь на него взглянуть. Вышла и пошла по дороге, пустыми и недоумевающими глазами рассматривая дома односельчан. На краю поселка она разрыдалась... Она хотела пожаловаться Васе, излить душу... Тот хмуро бы обнял ее за плечи своей не по годам большой ладонью и что-нибудь сказал в поддержку. Но теперь она не могла пожаловаться. Никому не могла открыть душу. Она была одна. Ей нужно стать сильной. И ни к кому не привязываться. Это в очередной раз доказывает, что нужно всегда ожидать худшего.

...

В десятом классе, за год до выпускного, в классе Маши случилось неожиданное прибавление. Добавились три человека из детского дома, который в этот год перенаправили из города в село. В основном там находились дети, оставшиеся в войну без родителей, – они оказались самыми скрытыми и серьезными в деревне. Сначала новые парни сидели на последней парте около стены. Они были ниже травы, тише воды и сильно отставали в учебе. Но потом освоились и начали безобразничать. Учителей доводили до истерик и нервных срывов, били мальчишек. Ребята давали отпор. Все, кроме «блаженного» Леша, внука попа. Ему итак доставалось больше всех унижений – и от детей, и от взрослых, – так еще и новенькие на него ополчились. Почему – непонятно. Уж слишком он им хорошим казался. Но потом случайно от кого-то узнали, что он тоже наполовину сирота – отец погиб на войне, а мать в городе на заработках, но он от такой жизни не обзлился. После этого стали с ним дружить и даже защищать от остальных мальчишек. А что, им терять нечего.

Девчонкой из детдома оказалась худая Любка с черными короткими волосами-паклей. А по лицу, особенно когда она его хмурила, никогда не догадаешься, что она девочка – кожа грубая, нос большой, глаза и губы маленькие и узкие... Да и фигурой, походкой, манерами, разговором – всем походила на мальчишку-бандита. И как назло, классная руководительница посадила ее с Машей, чтобы «перевоспитать» – потому что последняя хорошо училась и вообще была примерной девушкой.

Маша, конечно, была не рада новой соседке, но всем лучше, чем сидеть с Васей, с которым уже больше года не перекинулись ни словом... Люба стала за ней таскаться, как собачка – провожала из школы, постоянно звала гулять, просила помочь с уроками, напрашивалась в гости, и Маша, хоть та ей была и неприятна, старалась терпеть. И не подавать виду: ей было ее жалко.

Однажды Маша все-таки позвала Любу к себе в гости. Дома была мама и брат. Нина приняла девочку радушно, как, впрочем, всех и всегда: накормила, чем могла. А Гриша не слезил с рук госты, лез обниматься и трогать ее странные волосы. И та довольно терпела. А когда уходила вечером обратно к себе в общежитие с полной авоськой вкусняшек, которые дала с собой Нина, заплакала. У Маши, которая вышла провожать ее на порог, сжалось обычно ее холодное сердце:

– Ты чего? – прошептала она, стараясь чтобы ее голос тоже не дрогнул. Хотя заранее знала ответ.

– У тебя есть мама, братик и папа. Ты очень счастливая, – только и ответила та, быстро убежав в темноту. Маша посмотрела ей вслед, а потом на ватных ногах ушла к себе в комнату. Представила, что будет, если лишится родителей и брата. Пережила это у себя в мыслях. И легла спать... Самое худшее всегда может случиться. Надо это ожидать. Быть к этому готовой.

...

1957 год

Выпускной – грустный праздник? Возможно, для тех, чьи школьные годы были чудесными. Или для тех, кто не хочет прощаться с детством. Для Маши последний звонок колокольчика с красной лентой был ничем иным, как звуком свободы и самостоятельности. Наконец-то она уедет отсюда в город. Избавится от Славы. И от Любы тоже... Будет хорошо учиться, найдет достойную работу, станет сама себе хозяйка. Забудет прошлое...

Вот альбом с твердой серой обложкой, а внутри – почти тридцать круглых фотографий выпускников, уже совсем таких взрослых, полных надежд. Девочки, хоть еще и с белыми бантами, уже почти женщины, а парни, которые раньше дергали их за косички, стали двухметровыми мужчинами. Вверху, под квадратными фотографиями педагогов, три кругляша, как назло: слева Зинина фотография, лукаво улыбающаяся, посередине серьезная Маша с высоко забранными волосами в большой пучок, как у взрослой, а справа Вася с задумчивыми грустными глазами. Вот такой странный любовный треугольник этих круглых фотографий. Тот, кто составлял этот альбом, словно обладал даром прозорливости, ведь так будет всю жизнь: Вася и Зина, а их незримым присутствием, сама того не подозревая, будет разделять девушка-статуя с каменным сердцем. Знала ли Маша, как за ней весь выпускной вечер наблюдал Вася из-за кудряшек своей спутницы? А как он все хотел подойти в темноте, когда они все вместе ходили на Цну встречать рассвет? Рассвет их новой, взрослой, жизни, который разъединит их и разбросает по разным городам и республикам? А знала ли Маша, что Вася врезал противному Толе за то, что тот неудачно над ней пошутил? А о ночном разговоре Васи и Зины после выпускного? Возможно, догадывалась, но училась, только училась подавлять все свои чувства, вспыхивающие в гордом сердце...

– Ты же понимаешь, что я ее любил, люблю и буду любить? – Васин жестокий вопрос к Зине сотряс предрассветный воздух.

– Да, но ты же знаешь, что она тебя не любит, – последовал такой же жестокий ответ. Юноша тяжело вздохнул и внутренне вздрогнул, хотя давно смирился с этой мыслью. – Она вообще не умеет любить.

– Моей любви хватило бы на двоих... Если бы ей только было это нужно...

– Она сама не знает, что ей нужно...

– В том-то и дело...

– Самое комичное, что я тебя понимаю, и наверное, как никто другой...

– Ты же знаешь, что я не смогу сделать тебя счастливой? Что ты постоянно будешь мучиться, ревновать... – не унимался он. Ночь всегда была лучшим временем для откровений. Даже для таких, после которых хочется задушиться.

– Любовь, когда она настоящая, всегда делает тебя счастливым... Даже несмотря на боль и безразличие... Тебе ли не знать?..

– Я однолюб, и выбора у меня нет. А ты потом будешь жалеть!

– Ты слишком заиклен на себе, на своем чувстве. Но ты любишь не человека, а свое чувство к ней, то, что испытываешь...

– А ты?

– Не знаю...

– В том-то и дело, что мы рвемся исследовать чужие чувства, а сами не можем разобраться в себе! Из-за этого постоянно обесцениваем чувства других...

– И ты обесцениваешь!

– Ты права, извини... Я буду стараться ценить и твои. Также, как хотелось бы, чтобы мои ценила она...

– Как у нас все смешно и нелепо!..

– Как и все в жизни, – и они засмеялись горьким смехом, как могут смеяться только немного поехавшие умом.

Из-за горизонта вылезло солнце, которое обычно приносит радость и облегчение. Но на этот раз оно словно оповестило, что настоящее счастье нужно подождать. Но сколько точно – никто не знает.

Глава 4

«Гусиные лапки»

Маша уехала в Тамбов. Там ее по знакомству на завод «Комсомолец» пристроил папа. Она работала там в ночную или вечернюю смену, по неделям. Вечером ходила на пары в инженерный институт. В свободное ото сна время она, сидя на своей кровати в общежитии, любила читать. С юности познакомилась с удивительным миром книг, который при теплом, мерно колышущемся пламени становился еще загадочнее и интереснее. Романы о любви и приключениях, исторические и библиографические – любая книга у нее «уходила» за пару ночей. Тем более, что в библиотеке книгу давали на очень короткий срок из-за огромной очереди. Бывало, Маша читала и вместо того, чтобы пойти погулять с подругами или сходить на танцы. Ведь это помогает спрятаться от своих мыслей, уйти в другой мир. Бывает, усядется читать у себя на кровати в общежитии, так весь шум нипочем. Так проносился месяц за месяцем. Единственное, что могло ее заставить отложить в сторону книгу – это приглашение на каток. Тут уж она не могла устоять! Маша и одна всегда была не прочь туда сходить: повесит коньки за шнурки на плечо и вперед – перед или после работы, неважно. Но Мария никогда не была одиночкой: в ней удивительным образом сочетаются экстраверт и интроверт, благодаря чему ей никогда не было скучно одной, а в обществе людей она всегда душа компании.

Так вот, с девчонками с работы, обычно перед ночной сменой, она пропадала почти всю зиму, рассекая ледяную гладь. Особенно весело этим было заниматься, когда к женскому обществу присоединялся коллега по работе – высокий белокурый красавчик Гриша. Бывало, девушки выстраются в паровозик, взяв друг друга за талию, а он их катает. Так иногда к этой змейке и другие девушки присоединялись, чужие. Но тогда Гриша как резко куда-нибудь свернет, так все девчонки со смехом разлетаются в разные стороны. А как здорово, когда устанешь, лечь животом на лед и наблюдать за подводной жизнью... Там, под толстым слоем голубых пузырьков, в темной глубине плавают маленькие рыбки, так интересно.

Так пролетела зима. Задорная капель и верба, стучавшаяся в окно общежития, оповестили, что весна победила холод. Маша открыла окно, вид которого выходил на реку Цну, и вдохнула полной грудью бодрящий воздух, пророчащий перемены. Девушка посмотрела на купола голубой Покровской церкви, которые сливались с уже ярким весенним небом. На куполах не было крестов, их все посшибали. Как, впрочем, и на остальных церквях. Хорошо, что хотя бы не разрушили. Она, в отличие от остальных, никогда не закрывалась, даже во время сильных гонений власти. Это была единственная церковь, которая действовала во всей центральной области. О ней ходили разные слухи: кто-то говорил, что там была великая святыня – волос Господа, это помогло выстоять в тяжелое время. Другие же утверждали, что храм под покровительством правительства, чтобы управлять населением. В военное время здесь даже служил архиепископ Лука. Он был талантливым хирургом и спас тысячи людей. Остальные храмы, а их были сотни, разрушали, либо переоборудовали для других целей или оскверняли. Главный собор Тамбова, как и в Санкт-Петербурге, сделали музеем атеизма. Зато там сохранились многие иконы, и верующие втайне ходили туда к священным образам. Священников же, как и в других регионах страны, расстреляли или отправили на каторгу. Верующих тоже заметно подчистили, а тех, кто себя не выдал – запугали. Было строго-настрого запрещено даже близко подходить к полуразвалившейся церкви с солнечными куполами, особенно молодым и партийным. А партийными были почти все: в детстве посвящали в Октябрята, потом в комсомолы... Такая идеология была. Маша вспомнила, что скоро Пасха. А мама всегда просила

сходить на службу, поставить свечку за упокой родственников и освятить булочку и яйца. И девушка всегда ходила. На свой страх и риск.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.